

The book cover features a romantic portrait of a young man and woman. The woman, on the left, has long, wavy reddish-brown hair and is wearing a light-colored, possibly white, top. She is looking slightly away from the camera with a soft expression. The man, on the right, has dark, neatly styled hair and is wearing a light-colored jacket with a dark collar. He is looking directly at the camera with a serious, intense gaze. The background is a soft, out-of-focus mix of warm tones, suggesting an indoor setting with ambient lighting. The overall mood is intimate and romantic.

АГАТА ЛЕЛЬ

Та, что будет
МОЕЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Агата Лель

Та, что будет моей

<https://litres.ru/74463632>

Аннотация

РОМАН ИЗДАН В «ЭКСМО» Бессердечный циник. Блестящий карьерист. Бездушный манипулятор женскими чувствами – это все о нем, Артуре Вишневском. Окончив Гарвард, он вернулся в Россию, чтобы покорять новые вершины, но вместо этого прямо с порога с головой окунулся в прошлое. Она ничего не забыла. Он тоже ничего не забыл. Но теперь между ними пропасть из ненависти, и ее маленький, но такой важный секрет...

#мажор и женщина, которая научилась себя ценить

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	8
Часть 3	20
Часть 4	30
Часть 5	41
Часть 6	48
Часть 7	56
Часть 8	69
Часть 9	72
Часть 10	82
Часть 11	92
Часть 12	105
Часть 13	113
Часть 14	120
Часть 15	128
Часть 16	133
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Часть 1

Феррари. Грация, стиль, мощь.

Артур уважал эту благородную марку, поэтому, заработав после завершения магистратуры в Гарварде свои первые настоящие деньги, сделал себе подарок. Машину подогнали прямо к аэропорту – таково было желание нового владельца, и сейчас Вишневский, подняв верх, с удовольствием рулил по запруженным улицам вечерней столицы. Ловил лицом встречные порывы ветра, скупно улыбался прохожим на светофоре, даже подмигнул какой-то робкой студентке, хоть жест и остался незамеченным, в виду закрывающих глаза очков-вайфареров.

Сколько же он не был дома? Чуть больше четырех лет. Четыре долгих года не прошли для него зря: он повзрослел, окреп, вырос. Чему-то научился, кого-то нашел, кого-то забыл, от чего-то устал... Жизнь крутилась словно водоворот, завертев в этой воронке массу всего разнообразного, всего так просто и не перечислить.

Получив диплом, он не поехал сразу обратно домой, остался, чтобы набраться опыта в крупнейшей инновационной компании Америки. Впахивать приходилось в прямом смысле день и ночь, и вернуться в родные пенаты он решил только тогда, когда окончательно понял, что созрел создать что-то свое.

Скучал ли он? Там казалось, что нет, элементарно было не до ностальгии. Но вернувшись обратно, вдохнув знакомый с раннего детства пропитанный смогом воздух, увидев величественные шпили Успенского собора, грязновато-серые воды Москвы-реки, понял – скучал. Скучал по крепкому рукопожатию отца, скучал по матери. Скучал по их добротному загородному коттеджу, где прошла практически вся его сознательная жизнь.

Четыре года, с ума же сойти. А пролетели словно один яркий день.

Припарковав машину у ворот и достав единственный, хоть и довольно весомый чемодан, Вишневский, рассекая прогулочным шагом мощеную булыжником дорожку, направился напрямик к дому.

Ну ничего тут не изменилось, совершенно. Тот же фонтан, те же туи высаженные в шахматном порядке, та же кованая беседка и кусты ухоженных белых роз.

И гостевой дом тот же...

Только одно отличие сразу бросилось в глаза – маленькая темноволосая девочка, что увлеченно играла во дворе на расстеленном прямо на газоне цветном одеяле.

Вишневский чуть притормозил, замер, ощущая как заколотилось сердце, словно прибой об острые прибрежные скалы.

Стало как-то тревожно. Странно. Не по себе. А почему, он даже не мог ответить.

– Артур! Ну наконец-то!

На порог вышла мать и, спустившись со ступеней, обняла загулявшего на долгие четыре года сына. Прижалась, расцеловала в обе щеки, потом взяла за руки и отошла на шаг назад, любуясь своим что уж – удивительно складным ребенком. И пусть выше на голову и с прилично отросшей бородой, дети для матери всегда дети.

– Какой же ты стал... красивый. Хотя ты и был, но теперь!

– Ой, ладно, мам, не начинай. Вчера только по фейстайму говорили, – улыбнулся Вишневский, кинув быстрый взгляд на ребенка.

Девчушка что-то складывала из конструктора, хмурилась, кажется, даже ворчала, и не смотрела в их сторону.

Мать перехватила его взгляд, улыбка стала более скупой, нервной какой-то. Впрочем, моментально оживилась и приобняла его за спину, между делом подталкивая к двери дома.

– Ну, идем же, там для тебя Галина все самое твое любимое наготовила. Пошли-пошли! Мы все ужасно скучали.

Артур снова рассеянно обернулся: два кривых хвостика-огрызка, измазанная чем-то розовая футболка и салатные лосины "вырви глаз" на тощих ножках-спичках.

– Мам, а... кто это? – кивнул на девочку.

– Это? Так это Валюша, внучка Галины, – и зачем-то добавила: – Дочка Аглаи.

Аглая... Веснушка. Маленькая несносная пигалица, которая здорово так прошла по его самооценке когда-то. Так,

что он, циничный и хладнокровный волк-одиночка, долго потом еще зализывал душевные раны.

Выходит... у нее есть дочь?

Часть 2

Кусок не лез в горло. Все аппетитно выглядело, пахло, манило... но вот никак.

Вишневский крутил в руках вилку, изредка насаживая на ту спелые оливки. Жуя, то и дело бросал взгляд в раскрытое окно. Туда, где торчало розовое пятно футболки.

– И что потом делать собираешься? – спросил отец, лихо справляясь с мясной рулькой. – Пару недель-то отдохнешь?

– Некогда отдыхать, уже завтра меня в офисе ждет Глызин, – отвел-таки глаза Артур и взял свой стакан с минералкой. – Посмотрим, что предложит.

Как прожженный карьерист, Вишневский-старший одобрительно кивнул, очевидно гордясь, что из единственного сына вырос-таки человек. Аркадий Глызин – светило крупнейшего научно-технологического инновационного центра столицы, если уж он сам связался с его чадом – блестящее будущее тому обеспечено. Впрочем, ожидать иного от сына было глупо, голова у Артура всегда крепко сидела на плечах.

– А я вот новый благотворительный фонд курирую, – поделилась мама, поклевывая, словно птичка, салат. – Папа обещал проспонсировать постройку нового реабилитационного центра для детишек с ДЦП. В следующем месяце уже едем смотреть место.

– Угу, здорово, – кивнул Артур и снова посмотрел в окно – девчушка встала и, пнув ногой кривую башню из Лего, побежала в дом.

Дочь Аглаи... Это просто не укладывалось в голове.

Он там учился, прожигал иногда жизнь – не без этого, работал, а у нее за это время родился ребенок. Целый человек!

А ведь он не знал. Ничего о ней не знал. Не спрашивал у матери, когда созванивались, не искал в сети – просто вычеркнул из жизни, как она его.

Было сложно, первое время даже в прямом смысле ломало – ну как смириться, но как сильный и волевой человек он не позволил себе раскиснуть. Это она кинула его, а не он ее. И этого он простить ей не мог.

Конечно, он о ней думал, особенно первое время. Причесывал свое эго, размышляя, что пожалела, разумеется. Наверняка страдала, рыдая в подушку. А у нее вон оно что – дочь...

Глава семьи взял в руки телефон и, извинившись, что срочный звонок, направился на балкон, а Вишне夫斯基, воспользовавшись уязвимостью родительницы, что осталась без поддержки, сразу же пошел на таран:

– Мам, а сколько ей?

– Кому? – оживилась Инна Алексеевна. Поняла, конечно, о чем он, но виду не подала. – Не поняла.

– Дочке... Аглаи, – чуть не сказал "Веснушки".

– Валюше? Да годика три, наверное, – с преувеличенной

увлеченностью воткнулась в салат, явно не желая развивать тему. – Около того.

– И как... Когда?..

– Ой, ты же меня знаешь, я не любопытная, в чужие дела не лезу. Ну родила, рановато, конечно, но что ж поделать. Девчушка хоть и бойкая, с характером, но не назойливая, нам не мешает. Да и здесь вообще бывает редко: Аглая привозит ее иногда на выходные. А уж Галя с Иракли как ее любят... Кстати, ты же помнишь Иракли? – обрадовалась, что можно легально сменить тему. – Ну, вот они с Галиной уже пятый год вместе. Сначала хотели в город переехать, но куда я без Галины? Уже сроднилась все как-то. Папа говорит – пусть живут сколько хотят, дом все равно пустует.

– А Аглая? – Вишневский ощутил, на напряглись желваки. – Она сама где?

– А Аглая... она в городе живет, квартиру там снимает. Учится, работает где-то. Не подашь мне солонку?

Артур не глядя взял с центра стола соль, так же не глядя пихнул ту в руки матери.

Учится, работает, дочь... которой три. Не нужно обладать острым умом, чтобы быстро сложить два и два. Конечно, она могла пойти во все тяжкие сразу после – за пару месяцев с десятков партнеров сменить можно, но... чувствовал он, что нет. Только не она. Он хоть и ошибался на ее счет в некоторых вопросах, но в этом плане почему-то был в ней уверен.

– Значит, она в городе сейчас?

– Аглая? – переигрывала мама.

– Аглая, – вздохнул Вишневский.

– Ну да, я же сказала.

– Одна?

– Что одна?

– Живет одна? – хмуро повторил Артур, теряя терпение.

– Ну, кроме дочери, разумеется. Есть у нее кто-то?

– Да вроде бы есть... Я не знаю, сынок, правда, не интересовалась, – в голубых глазах сквозила едва ли не мольба "давай уже свернем эту тему". – Попробуй вот этот салатик, вкусно.

Есть, значит. И вроде бы все уже давно перебушевало, бурьяном поросло и отпустило, а... царапнуло. Совсем так по-вишневски, по-собственнически. Хотя прав на такие эмоции он никаких не имел. Да и не должно их вообще было быть, эмоций этих, но как-то вот они сами, не спросили.

Выходит, дочка того, с кем она там сейчас кружится? И успела же, девушка, блин, высоких моральных принципов!

За стол вернулся глава семьи, мама тут же выдохнула, обрадовавшись возможности наконец-то закрыть эту щекотливую тему. Начала бодро болтать о чем-то отстраненном, что-то рассказывать, вспоминать, спрашивать. Только вот Вишневскому было не до семейной болтовни. Новость выбила из-под ног почву. И вот эта мысль: а вдруг эта девчушка все-таки... его.

Странное чувство, непонятное. Ни радости, ни злости, ни

страха – что-то среднее между негодованием и протрацией.

Родила, значит, и даже не сообщила? Целых четыре года, упертая, молчала?! Но, конечно, при том условии, что девочка на самом деле его. А выяснить это было не так сложно.

– А ты куда, Артур? – встрепелась мама.

– Воздухом свежим подышу, – отрезал сын и, опустив руки в карманы брюк, неторопливо вышел во двор.

Будто любясь красотами ухоженного сада, прогулочным шагом добрал до гостевого дома, где вот уже почти десять лет располагалось семейство Игнатовых.

А вон и оно, то самое окно, куда он забирался к ней минуя дверь...

Вишневский подошел ближе и заглянул в раскрытые створки – комната была пуста. На стене висели какие-то нарисованные красками каракули, в шкафу на полке красовались мягкие игрушки, куклы, какие-то разноцветные коробки с блестками.

"Детская теперь" – догадался он, и только собирался ретироваться обратно, как почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. Обернулся: маленькая девчушка смотрела на него нахмутив брови, удерживая в одной руке... не какого-нибудь милого плюшевого зайчика, нет – самый настоящий водяной пистолет.

– Ты кто? – серьезно спросила она.

– А ты кто? – ответил он вопросом на вопрос.

– Я Валюша и я здесь живу.

– А я Артур, и я тоже живу здесь.

– Я тебя никогда не видела.

– Просто меня долго не было, а теперь я вернулся.

"Так долго, что когда я уезжал, тебя и в помине не было".

Он опустил на корточки и бесцеремонно всмотрелся в лицо ребенка, пытаясь отыскать в нем хоть какие-то свои черты. Искал, искал... и в общем-то особо и не нашел. Девчушка просто до безобразия напоминала свою мать: такой же вздернутый нос, полупрозрачные брови и круглые глаза. Правда, медового цвета. А у Веснушки они были серо-голубые, цвета грозового неба. И волосы у нее были рыжие и пушистые, а у девочки подозрительно темные...

Пока сравнивал, немало удивился тому факту, что настолько детально помнит ее лицо, и не мог понять, хорошо это или нет. В душе заостренного циника что-то определенно шевельнулось от подобных воспоминаний, и это ему сильно не понравилось.

– Смотри, что у меня есть, – он залез в карман и достал конфету, которую прихватил из вазочки дома. – Держи.

В глазах Валуши мелькнул неприкрытый детский интерес, но руку она не протянула.

– Мама не разрешает мне брать угощение у чужих.

– Так я не чужой. Вон, – обернулся и кивнул на свой дом, – я там живу. Бери, мама не узнает.

– Нет, ты чужой.

Вишневский поднялся и, убирая конфету обратно в кар-

ман, не мог не улыбнуться.

Не взяла, вот же настырная. Вся в мать.

"Или в тебя" – подсказало подсознание.

– А где мама твоя? – решив больше не пугать Валюшу, перевел тему. Ведь кто как не наивный ребенок расскажет всю подноготную семьи подчистую? – Она на работе, наверное, да?

– Разговаривать с чужими мне мама тоже не разрешает, – выдала она, стрельнув взглядом по его карману, где скрылось угощение.

– И правильно делает твоя мама, молодец. А... когда она за тобой придет?

– Ты знаешь мою маму?

Память услужливо подкинула кадры, какими податливыми были ее губы. Мягкие, теплые... И не только губы.

– Я ее... друг, – обтекаемо ответил он, и девочка скептически нахмурила светлые бровки.

– У мамы только один друг – дядя Валя.

Дядя кто?

Валя?!

– Может быть Ваня?

– Нет, дядя Валя.

Бог мой, Веснушка, ну ты серьезно?

Валя?!

И вот на это ты меня променяла?!

Вишневский не видел его ни разу, но сразу окрестил ло-

хом. И совсем даже не потому что он Валя, будь от Владимиром, Александром или Любомиром, он назвал бы его абсолютно точно так же. Просто потому что... потому что он лох. Точка.

Та-ак, еще чуть-чуть и тайна мадридского двора будет раскрыта.

– Скажи, а этот дядя Лох Валя, он с вами живет?

– Артур! – раздалось позади, и Вишневский обернулся.

За спиной стояла мать Веснушки – Галина, придерживая рукой... огромный беременный живот.

Беременна? В ее-то годы?!

Да что у них, твою маму, происходило тут, пока его не было!

Ну прямо Шива, богиня плодородия. Ей же ну сколько... лет сорок пять точно. Походу они с Иракли тут времени даром не теряли.

– Здравствуй, – сдержано поздоровалась она. – Не буду говорить как ты вырос, но ты действительно возмужал за эти годы.

– А вы... – он стрельнул взглядом по ее животу, – а вы совсем не изменились.

Ай да Вишневский, ай да дамский угодник.

– Ты давно приехал? – проговорила она, погладив по голове прильнувшую к ней девочку.

– Да вот только сегодня. Вышел подышать воздухом, а тут вот... дочка Аглаи.

И выжидательно уставился женщине в глаза.

Ну же, выдай себя. Ты же точно знаешь, чья она.

Но Галина даже если и знала, то ничем себя не выдала.

Просто снова мягко улыбнулась.

– Бабушка, а этот дядя мне конфету не дал, – громким шепотом произнесла девочка, глядя при этом на Вишневого.
– Такой жадный.

– Не дал? – делано возмутился он. – Так я же... Эй, ты сама не взяла!

Вот же маленькая вымогательница! И снова почему-то ощутил острую потребность улыбнуться.

Он всегда был равнодушен к детям, не хотел их и не знал, как с ними обращаться. Его не умиляли рекламы подгузников и коверкано рассказанные стишки про "бороду из ваты". Чем старше он становился, тем больше ловил себя на мысли, что вряд ли когда-нибудь решится на этот шаг. Но эта девочка, дочь Веснушки, она была... забавной. Умненькой. Хитрой. Где-то даже расчетливой.

Он вдруг поймал себя на мысли, что если бы у него и была дочь, то только такая.

– Валюша, так вести себя некрасиво! – пожурила бабушка внучку. – К тому же ты все равно не любишь конфеты.

– А что любит? – тут же зацепился Артур.

– Желейных мишек, душу за них продать готова. Ну ладно, нам ужинать пора. Была рада увидеть, – сказала Галина и, взяв в свою руку крошечную ладошку, повела Валюшу в

дом.

Вишневский проводил их взглядом до самой двери, а потом медленно пошел к своему дому, переваривая только что увиденное.

Может ли она быть его?

Судя по характеру – запросто. Темные волосы и карие глаза... Валюша.

Вдруг его осенило. Валюша – дядя Валя.

Это она что, получается, его дочь в честь какого-то мудозвона назвала?

Или... это все-таки не его дочь?..

Имена – это что? Просто совпадение?

Он сам не понимал, чего он хочет или Не хочет больше – чтобы она была его дочерью, что радикально изменит его жизнь, а к подобным переменам эта жизнь его не готовила, или что Веснушка родила от кого-то другого.

Почему-то думать о том, что она вот так цинично пошла кувыркаться с кем-то еще, едва он только улетел, ему совершенно не хотелось. Мужское эго не позволяло и чувство собственности, наверное.

Ведь это я был ее первым.

Раздрай. Неопределенность. Хаос. Все то, что он не выносил и по возможности старался от подобных чувств как можно скорее избавляться.

А может... ну это все? Не рассказала, значит, так надо. Плохо ему жилось, что ли? Столько грандиозных планов,

мыслей, проектов. Ребенок в его ближайшее будущее вот точно не вписывался.

На нет и суда нет. Пусть.

Но вот что-то в глубине души, возможно, внутренний нециник, не давал ему пустить это все на самотек. Нет. Он должен знать точно! Независимо от результата!

Снова обернулся – в оранжевом прямоугольнике окна гостевого дома торчала крошечная макушка с двумя тощими хвостами. Даже отсюда он услышал залиvistый смех вредины.

Неужели она все-таки его?..

От размышлений его отвлек телефонный звонок. Хмуро вытащив из кармана мобильный, Артур, подумав, все-таки принял вызов.

– Привет, ну как ты добрался? – раздалось бодрое из динамика на английском.

– Знаешь, хорошо. Даже еда в самолете была на удивление сносной, – ответил он на беглом языке янки, в котором здорово поднаторел за четыре года жизни в Америке.

– Я уже жутко по тебе скучаю.

– Я же вот только улетел.

– Все равно! А ты... скучаешь?

– Само собой. Ну ладно, меня зовут к столу, созвонимся позже, хорошо?

– Люблю тебя.

– Угу, – промычал он и сбросил вызов. Сунул телефон

обратно в карман.

Джессика, яркая блондинка из солнечной Флориды. Живая, красивая, не глупая. Они познакомились полгода назад на конференции по новейшим технологиям и уже тем же вечером бурно обновили заднее сидение его тачки.

Он не знал, что такое любовь, но кажется, Джессика его по-настоящему любила. А он... да черт его знает, что он к ней чувствовал. Что-то... нейтральное. Ему нравилось заниматься с ней сексом, нравилась ее непосредственность, но когда она уезжала к себе домой, не чувствовал, что ему ее не хватает. Он не хотел оставить ее на ночь или предложить жить вместе. И уж тем более – Боже упаси! – даже и не помышлял о браке. Его все устраивало. И его прагматичный мозг понимал, что вот это чувство ничего общего с тем, что люди называют любовью, точно не имеет.

Даже сейчас, сказав, что тоже скучал, он слукавил – он даже не вспоминал о ней с момента прилета. А вот о другой думал непростительно много.

Той, которая когда-то его кинула. Той, которая родила ребенка. То ли от него, то ли от кого-то еще.

И вдруг понял, что очень хочет ее увидеть.

Часть 3

Артур понятия не имел, когда Аглая посетит родные пенаты, интересоваться, конечно, не стал, но был начеку. Наблюдал. Девчонка все утро носилась по двору, таская за хвост рыжего кота, а раз она здесь, значит, и мамочка не заявлялась.

Днем он успел съездить в центр и встретиться с Глызиным – учредителем нового проекта, в котором собирался принять участие и Вишневский. Успел даже пересечься с Натаном, который тоже буквально на днях вернулся из тура по Вьетнаму. Они посидели в каком-то новомодном ресторане, заказали, конечно, самое дорогое, обсудили личную жизнь друг друга, говоря, само собой, только об успехах.

Именно там Вишневский понял, что перерос это все. Неинтересно. И темы эти дурацкие, и весь этот пафос никому не нужный как-то поперек горла. Много воды утекло и время расставило все по своим местам.

– Ксюха замуж вышла, за турка какого-то, слышал? – перешел на сплетни Натан, закинув ногу на ногу и манерно потягивая айкос.

– Нет, впервые от тебя слышу.

– Ага, пару лет назад. Говорят, мудохает он ее там по-черному, чуть ли не в паранджу завернул. Заставил удалить

все свои страницы в соцсетях и требует принять ислам, прикинь?

Вишневский совсем не удивился "успехам" бывшей подруги. Как говорится – за что боролась... Ей же всегда нравились brutальные мужики, ну вот, куда уж brutальнее. Получите и распишитесь.

Потрещав еще немного о том о сем и договорившись словиться еще раз, великовозрастные детки распрощались, сели по своим дорогим тачкам и разъехались в разные стороны "нерезиновой". Вишневский сильно сомневался, что словится еще раз со старым другом, слишком разошлись их интересы. А там кто знает...

Поплутав немного по подзабытым знакомым улицам, он вышел на набережной, прошел вдоль реки, размышляя, куда же подевалась та тонна замков с забора, что вешают молодожены в день свадьбы. Он никогда не понимал этой традиции, глупость какая-то. Как и все в общем-то, что связано с браком. Да он и брак не понимал. Ну зачем связывать себя по рукам и ногам штампом? Разве от этого что-то зависит?

Крепость отношений?

Размер счастья?

Или это прививка от измен?

"Институт семьи", "так положено", "а что люди подумают" – все это ему было чуждо. Если люди хотят быть вместе, они будут, без вот этого всего. И десять, и двадцать, и все пятьдесят лет. А если не хотят – то клякса из чернил в паспорте

абсолютно ничего не изменит.

Проходя мимо старого крейсера-музея, который не реставрировали лет пятьдесят, он случайно увидел воткнутый в корму нож-бабочку. Тот самый, что он бросил туда четыре года назад, спасая Веснушку и ее трусливого брата от нападок малолетних гопников.

Да ладно, он все еще здесь?!

И так хорошо всплыл в памяти тот день. А потом ночь, которую он провел в ее постели... Ночь, которую он, в общем-то, и не забывал. Как бы сильно того не хотел.

Конечно, он не думал об этом безостановочно, можно сказать даже и не воспроизводил в памяти все эти годы, но стоило только при желании погрузиться в прошлое, туда, в тот летний вечер, выяснялось, что помнит он на удивление все. В самых мелких деталях.

Неужели вот так, с первого же раза умудрилась забеременеть..? Разве так бывает? Нет, теоретически он понимал, что бывает всякое – и палка раз в год стреляет, но что такое могло произойти именно с ним верилось с трудом. С ним, который скрупулезно рассчитывает каждый свой шаг...

Ну хорошо, допустим, он все-таки потерял контроль и случилось то, что случилось. Но как так вышло, что она взяла и ни о чем ему не рассказала? Не позвонила, не написала. Ей же было-то всего восемнадцать. Ребенок. Да, сильный духом и настырный, но все-таки совсем еще незрелый подросток. Вчерашняя школьница... Не сообщила, не потребо-

вала помощи.

Ну кто она? Дочь кухарки. А кто он?

Она же не могла не понимать, что подобное стечение обстоятельств ее билет в безбедную жизнь. Она бы точно рассказала, если не дурочка, конечно. А раз этого не произошло, значит, Валюша, получается, не от него. Вот и весь ответ. Логично? Логично! С этими мыслями он и поехал домой. А едва заехав в ворота, сразу увидел ЕЕ...

Ее солнечная макушка торчала из открытого окна гостевого дома.

Наверное, она сидела за столом, потому что видел он только ее затылок и плечи. Практически обнаженные, только тонкие голубые лямки пересекали белоснежную кожу.

Странное чувство. Странное и непонятное. Что-то застучало внутри, что-то затянуло, запекло. И вот почему-то только сейчас он окончательно осознал, что вернулся домой.

Не выбираясь из машины, он, вцепившись в руль, застыл, гипнотизируя взглядом ее затылок.

Приехала, значит. Дочурку забрать.

Все-таки он плохо разбирается в людях, хотя раньше считал, что наоборот.

Разве мог он когда-нибудь подумать, что Веснушка, эта скромная девочка читающая Пруста в оригинале, бросит его сразу же после их первой совместно проведенной ночи?

Никогда!

Никогда бы он такого про нее не подумал. А она взяла и

сделала. Да так хладнокровно, что утерла нос ему, тому, кого все считают неисправимым циником.

А он ее еще с собой в Америку забрать хотел, идиот! Хорошо, хоть не успел ей тогда об этом сказать.

Само собой он думал потом о том своем принятом на эмоциях скоропалительном решении. Размышлял, что было бы, если бы она согласилась полететь с ним. Вышло бы что-то у них или уже на следующий день он взялся бы за голову, укоряя себя в том, что натворил? Ответа на этот вопрос у него не было, ведь тогда своим поступком она просто взяла и лишила его возможности выбирать.

Решила все за них обоих!

Выбравшись из машины и шарахнув дверью так, что чуть стекла не повывлетали, Артур не без удовлетворения заметил, как она обернулась. Как застыла. Как потом забежал ее взгляд.

А он стоял, опустив зад на капот своей новой тачки и, скрестив руки на груди, смотрел, как она делает вид, что он ей безразличен. И ведь действительно просто делает вид. Видел он, как она то и дело оборачивалась, как кусала губы, что-то суетилась. Потом вообще створку захлопнула и задержала занавеску.

Вишневский усмехнулся. А потом во двор выбежала Валяша, удерживая в руках все тот же пластиковый водяной пистолет.

– Привет, – сдержанно улыбнулся он, снова вцепившись

взглядом в ее личико. И почему-то сегодня ему показалось, что в его выражении все-таки мелькнуло что-то ему знакомое. Что-то неуловимое, такое, что он видит ежедневно в зеркальном отражении. – Как твои дела?

– Привет, нормально, – отозвалась Валюша и, склонив голову на бок, тоже принялась рассматривать нового соседа.

Сегодня у нее были не хвостики, а косички, тощие и чуть-чуть кривые.

– Какая красивая у тебя машина.

– Да, очень красивая. И дорогая.

– А почему она черная?

– Ну... – дернул плечом и осмотрел себя, всего в черном, – наверное, потому что я люблю черный цвет.

– А я люблю розовый. Все девочки любят розовый. Но моя мама любит зеленый.

И этот цвет твоей маме очень даже шел.

– А у меня вот что есть, – достал из кармана упаковку желейных мишек. Прихватил с прилавка на набережной, шутки ради.

Глаза ребенка загорелись.

– Иди, бери. А то скажешь еще опять, что я жадный.

Она стояла не двигаясь, и он видел, как в ее маленькой головке происходит настоящая борьба – послушаться маму и взять угощение у "чужого", или все-таки не поддаваться соблазну.

Она сделала шажок, другой, приподнялась на носочках и,

вытянув шею, рассмотрела внимательно, что за упаковка у него в руках...

Второе перевесило – она отошла, не забрав презент. Вишне-невский обалдел. И восхитился. Три с лишним года, а какая завидная упертость. И осторожность.

– Ну, как хочешь, мое дело предложить, – дернул плечом и нарочито медленно надорвал упаковку, достал одного мишку. Прикрыв глаза, с преувеличенным наслаждением положил в рот... а потом скривился и выплюнул.

– Да фу, что за кислятина такая! Как ты это ешь вообще? Валюша расхохоталась, комично схватившись руками за живот.

– Это мишки-кислишки, ха-ха-ха, я такие и не ем! Тут лимончик нарисован, а на сладких – клубника.

Так она его еще и провела?

Вот эта крошечная микробина от горшка два вершка?

– Валюша, что у вас тут происходит? – видимо, услышав хохот дочери, на пороге нарисовалась Веснушка. Вишне-невский, как стоял, сплевывая кусочки кислого желе, так и обалдел...

Легкая, тоненькая, хрупкая. В голубом сарафане чуть выше колен и копной запоминающихся рыжих волос, которые за годы стали еще длиннее.

Он не видел ее долгие четыре года, а увидев моментально нырнул в прошлое.

– Мам, он съел мишек-кислишек, ха-ха-ха, – не унима-

лась Валюша, которую дико позабавила его реакция на съеденное. – Такой смешной. Ой, не могу!

– Иди к бабушке, ладно? Она там пирожки испекла.

– В картошкой?

– С картошкой.

– А с капустой?

– И с ней тоже. Иди, – не отрывая глаз от Вишневского, поторопила дочь легким похлопыванием по плечу, явно спроваживая.

Прячет она ее от него, что ли?

– Ну, привет, – на его удивление, поздоровалась первой.

– Привет, – не стал вредничать он и снова окинул ее фигуру любопытным взглядом нормального мужчины.

Какая была, такая и осталась. Она рожала вообще или ребенке ей подбросили? Ни лишнего веса, ни следов усталости на лице. Показалось, что она не просто похорошела – расцвела.

– Ну, как ты? – решил-таки спросить.

– Хорошо. Ты, я смотрю, тоже неплохо, – кивнула на его новую, на самом деле баснословно дорогую тачку. – Надолго к нам?

– К вам? Я вообще-то дома у себя.

– Ну, тебя долго не было, мало ли, где у тебя теперь дом.

И какой уверенной она была, какой смелой, может, в какой-то степени даже наглой. Он узнавал ее и в то же время это была совсем другая Веснушка: повзрослевшая, набрав-

шаяся здорового эгоизма молодая женщина. Мать.

Мать... обалдеть же можно.

Он попытался представить ее с огромным животом и не смог. Когда он уезжал, она была такой, когда вернулся, такой же и осталась. Он видел изменения в себе, для нее время будто застыло.

– Поздравляю с дочерью, – не смог-таки скрыть в голосе сарказм. – Милая девочка, – ну и как же не добавить: – На тебя похожа.

– Спасибо. Да, похожа. Правда, ты чуть-чуть запоздал с поздравлениями, ей уже три.

– А точнее?

– Три года и пять месяцев, – ни один мускул ведь не дрогнул на ее лице.

Три и пять... Плюс девять месяцев – четыре и два. Четыре года и два месяца – именно столько, сколько его не было в России. Практически день в день.

Но сразу о своих догадках говорить не стал, решил проверить ее в своем репертуаре.

– Занятно, – отлепив зад от тачки, засунул руки в карманы и подошел к ней ближе. Снова окинул взглядом с головы до ног. – Волк из дома, овцы в пляс? Быстро ты на кого-то переключилась.

– Прости, что с тобой не посоветовалась.

Он снова малость прибалдел. Ты посмотри-ка...

Он хорошо помнил, какой она была. Да, совсем мягкоте-

лой никогда, но ведь в рот ему буквально заглядывала. А теперь палец в этот самый рот не клади – по локоть же откусит.

– Могла бы написать, поделиться радостью. Не чужие все-таки люди, да? – подходя совсем близко, вдохнул аромат ее волос и испытал очередной катарсис.

Он помнил ее запах. И так одуряюще остро. С ума сойти.

– Все-таки ребенка родить это не щенка купить. Позвонила бы, поделилась.

– Чего тебе нужно, Вишневский? – устало вздохнула она, практически ничем не выдавая своего волнения. – Да, у меня есть дочь и что с того?

Что с того? Да нет, совсем ничего. И делать вид, что ребенок не его, тоже в порядке вещей. Кинула его, сразу же после совместно проведенной ночи.

И тут же забеременела.

За дурака она его держит, что ли?

– Она моя, да? – четко проговорил он, не отрывая от нее внимательного взгляда. – Валюша же моя дочь?

Она улыбнулась. Едва заметно, одними уголками губ.

– Она моя дочь, Артур. А теперь прости, у меня важные дела, – и ушла, оставив его приходить в себя в немом одиночестве.

Часть 4

Вишневский не выносил три вещи: когда из него делают дурака, когда откровенно игнорируют и когда ему нагло врут. Веснушка каким-то непостижимым образом умудрилась за один присест сделать все сразу. Но он не стал останавливать ее тогда – хочет, пусть уходит. И раз девочка только ее дочь, тоже пусть! – злился он.

Она сама так решила. Сама решила сохранить ребенка, решила сама воспитывать в одиночку (или нет?), всю ответственность она взяла только на себя. Он от этой ответственности не уходил. Беременную ее не бросал, аборт сделать не заставлял, от дочери своей не отказывался. Наоборот, призывал к ответу чтобы призналась. Тогда какого черта все эти размышления? Дел что ли других нет? Да полно!

Но что бы он не делал, мысленно то и дело возвращался к их быстрому разговору, ее надменному взгляду и вот этому ее "она моя". И вроде бы с одной стороны да, можно умыть руки и все, а с другой... какого черта она решила все за него? Он такой же отец, как и она мать, любой закон будет на стороне обоих. Если девчонка его, она должна была поставить его в известность! Обязана! Решила поиграть в сильную и независимую?

Но вся его праведная злость имела место быть только в

том случае, что на самом деле Валюша его.

А если все-таки нет?

Ведь одно дело просто предполагать и совсем другое — узнать точно. Если она действительно родила от кого-то другого и поэтому молчала? От того же дяди Вали. Ну вдруг. И откуда этот Валя вообще нарисовался? Раньше она даже из дома никуда не выходила, книжки целыми днями у бассейна читала. Откуда тогда? Прилетел как волшебник в голубом вертолете и припарковался четко в ее кровати?

Вишневский понимал, что эту шараду надо решить. Узнать все наверняка, чтобы не забивать голову ненужными мыслями. Поставить точку. Перечеркнуть. Выбросить уже из головы, в конце концов, все метания. А сделать это можно было единственно верным способом...

Надавив на дверной звонок, Артур почувствовал, что волнуется. Да, именно волнуется. Редко посещаемое и практически забытое им за ненужностью чувство. Тем более из-за женщины! Еще чего! А ведь он долгое время ее даже не вспоминал, а теперь вот уже два дня из головы выбросить не мог. Почти тоже самое было тогда, четыре года назад. Они пять лет жили бок о бок и ничего, а потом ей за какие-то считанные дни удалось пробраться ему в голову, сердце и прочие органы. Да так глубоко, что долго избавиться от этой зависимости не мог.

Как она это делает?

Надавив еще раз на звонок, он услышал по ту сторону мелодичные трели и скрип половицы.

Дома же. Конечно, она дома, он все заранее пробил. Прятаться бессмысленно.

Отойдя на два шага от двери, криво улыбнулся, глядя в глазок. Знал же, что она туда сейчас смотрит.

– Я знаю, что ты дома, – поговорил он в пустоту. – Открой. Я все равно не уйду.

В замочной скважине послышался поворот ключа, и на пороге нарисовалась Веснушка. В длинной футболке, открывающей стройные ноги и одно оголенное плечо. Рыжая копна волос свободно лежала за спиной.

– Ну привет, – проронил Вишневский и взялся ладонью за косяк. – Пригласишь?

– Ты что здесь делаешь? – прошипела она, обернувшись назад – из приоткрытой двери комнате лился свет и доносились звуки идущего по телевизору мультфильма. – Не помню, чтобы я тебя приглашала.

– Когда-то я что-то подобное уже слышал. Так что с войти?

– Ничего с войти. Я сейчас немного занята, – снова воровато обернулась, а потом вернула взгляд неожиданному гостю и заговорила тише: – Валюша дома. Так что, может, поговорим в другой...

– Она моя же, да? – без предисловий спросил он, придавливая ее тяжелым взглядом. – Просто скажи, да или нет.

– Артур...

– Я знаю свое имя. Да или нет?

Вместо ответа она вытолкнула его за порог, и сама вышла следом, прикрыв за собой дверь.

– Пожалуйста, не кричи. У нас здесь стены картонные!

– Ответь на мой вопрос уже! – разозлился он, ударив ладонью о стену прямо возле ее головы. Она вздрогнула, но стойко не сделала и шагу.

– Растерял свою хваленую непробиваемость? Мельчаешь, Вишневский.

– Какого черта ты скрыла от меня дочь? – возмутился он и, не убирая руки, приблизился к ее лицу. – Ты должна была рассказать мне, что беременна. Обязана!

– И что бы это изменило? Что?! Ты бы бросил свою Америку, учебу, перспективы, вольную жизнь, ради ребенка, который тебе не нужен? Вот только не надо, ладно, – в голосе мелькнула обида. – Да, биологически она твоя, но по документам отца у нее нет.

Вот и ответ. Значит, все-таки точно его...

Артур сам не мог понять, что почувствовал в этот момент. И вроде бы морально он был к этому готов, но одно дело предполагать и совсем другое – узнать точно.

У него уже три с лишним года как есть ребенок. Человек, который носит в себе его гены, его черты. Обалдеть можно. Ребенок, который носит чужую фамилию...

– Получается, она Игнатова?

– Игнатова.

– А отчество? Уж не Валентиновна ли? – не смог-таки скрыть в голосе сарказм. – Только не говори, что моя дочь видит, как ты таскаешь в дом какого-то...

– Давай ты не будешь указывать мне, что делать, хорошо? – задрав подбородок, не стушевалась она. – И вообще, откуда ты узнал про Валю? Ты что, рылся в моей личной жизни?

– Валю! – повторил он и, если бы в него с детства не заложили базовые основы хорошего воспитания, точно бы сплюнул. – Только не говори, что ты мою дочь в честь него назвала.

– Я назвала ее в честь бабушки. И если тебя это успокоит, с Валентином мы познакомились уже после ее рождения. Совсем недавно.

– Ты где его подцепила вообще? В консерватории? Или, может, в читальном зале библиотеки рядом сидели?

– А тебе-то какая разница, Вишневский, где я его подцепила? – она скрестила на груди руки и улыбнулась. – Тебя моя жизнь ну вот совсем не касается!

– Ты воспитываешь моего ребенка! Который видит как...

– Откуда ты знаешь, что именно она видит? – не дала даже договорить, бросившись на амбразуру, едва только речь зашла о дочери в таком ключе. – Ты понятия не имеешь, как мы жили все эти годы, не знаешь, через что мне пришлось пройти, как мы тут справлялись вообще, а теперь появился и решил, что имеешь право стоять тут и указывать мне, что

я могу делать, а что нет?

Глаза метали молнии, и та, что недавно просила сбавить тон, апеллируя тонкими стенами, сейчас сама говорила далеко не шепотом.

– Лучше уходи, хорошо? Живи своей красивой дорогой жизнью, меняй тачки и подружек, а в наши жизни с дочкой не лезь! Не было тебя столько лет и не надо! – на секунду ее голос дрогнул, но действительно лишь на секунду – собралась она на зависть быстро, даже он, который сизмальства привык держать себя в руках, мысленно поаплодировал ее железобетонной выдержке. – Пожалуйста, Артур, уходи.

– Посылаешь меня, значит, да? Прямо как тогда...

– Кто бы говорил, – горько усмехнулась она, и причину ее усмешки он не понял.

Ведет себя так, будто это он кругом виноват. Кинул ее, использовал, хотя на деле все было совсем наоборот.

Хотя это так по-женски, свалить свою вину на мужика.

– Значит, так, – подумав, принял решение он. – Я хочу, чтобы моя дочь узнала правду.

– Ни. За. Что! – отрезала она, и так твердо, что он малость обалдел.

Да кто подменил его Веснушку? Ту, скромную, робкую, милую?

Стоп. Он подумал его?

– Валюша знает, что папы у нее нет. И я не позволю травмировать ее психику! Сейчас ты появишься, поиграешь в от-

ца, потом тебе надоест и ты испаришься, и что делать потом мне? По психологам ее водить? Она слишком впечатлительна.

– В смысле – нет папы? – опешил он. – Совсем?

– Совсем.

– И где я? Ты что, наплела ребенку расхожих сказок о том, что ее отец капитан дальнего плавания, который затерялся где-то в море? Или что там в этом случае говорят.

– Я сказала, что тебя просто нет. Вырастет, сама поймет. И наверняка примет мою сторону.

– Я не согласен.

– Мне все равно. И на тебя, и на твои слова.

Вот упрямая!

Он злился, негодовал, не понимал, какого черта происходит. Разговор пошел вот совершенно не по тому сценарию, что он себе придумал.

Он впервые очутился в подобной ситуации и оказался к такому совершенно не готов, хотя раньше думал, что ничто не сможет вывести его из равновесия. И даже понимая, что сказанное им сейчас вот совсем не добавит ему плюсов, он решил, что обязан скинуть с нее спесь и вывести разговор в то русло, что выгодно ему.

Конечно, он прекрасно знал, что все сказанное им будет полной профанацией, но был обязан проверить ее настоящие эмоции.

– Все равно на меня, значит... – тихо проговорил он и по-

дошел к ней еще ближе. Убрал упавшие на грудь рыжие пряди и не без удовольствия отметил, как быстро забились венки на ее шее и как тонкие предплечья покрылись мурашками. – Тогда я просто заберу у тебя свою дочь, – это прошептал уже на ухо. – Вот и все.

Где-то внизу бахнула металлическая дверь и послышались тяжелые шаги по ступенькам.

Она подняла на него округлившиеся глаза, в которых плескался настоящий животный испуг.

Она, та самая Веснушка. Без налета стервозности и напускной смелости. Он сделал ставку на не совсем честную игру и она оказалась верной.

– Ты не посмеешь.

– Еще как посмею, ты же знаешь. Ты сама отказалась со мной по-хорошему. А по-плохому я не люблю.

– Да как ты...

– Ты с самого начала повела себя неправильно, все решила за меня. Почему бы мне не взять реванш?

– Да она не нужна тебе! Ты хочешь сделать это мне назло, да? Скажи, что я права. А я права!

– А что тут у вас происходит? – раздался за спиной удивленный бас, и Вишневский раздраженно обернулся.

Позади стоял огромный, словно медведь, мужик, удерживая в каждой руке по пакету из супермаркета. Да в нем килограмм сто пятьдесят, не меньше. Здоровенный белобрысый гризли: грузный, неповоротливый.

Но не смотря на его габариты Вишневский был твердо намерен избавиться от мешающего элемента. Даже рискуя своими идеальными зубами.

– Шел бы ты, мужик, куда шел.

Мужик захлопал белесыми ресницами и перевел непонимающий взгляд на Веснушку:

– Аглая, это вообще кто?

Веснушка скинула со своего плеча руку Вишневого и, вздохнув, устало провела ладонью по лицу:

– Это Артур, мой... знакомый. Артур, это Валентин. Мой сосед и друг.

Тот самый Валя?

М-да, совсем не так он его себе представлял. Этому Вале только тушки освежевывать. Причем голыми руками.

Но не взирая на это элемент не переставал быть мешающим. И Вишневский, рискуя своим элитарным фейсом, кинул на человека-гору хмурый взгляд:

– Иди, Валя. У нас тут серьезный разговор с твоей соседкой.

– Аглай... – одно слово, а звучало как призыв к действию. Ручки пакетов тревожно затрещали в огромных кулаках.

Вишневский знал, что большие шкафы и падают громко, и настроение, кстати, благоволило как никогда, но драка закончилась не успев начаться.

– Иди, Валь, все нормально, – снова вздохнула.

– Точно?

– Точно.

– Ну, если что, зови, – предупредил он и, переваливаясь, скрылся за соседней дверью.

– А он всегда девушку свою бросает в подобных ситуациях? – кивнул ему вслед Артур. – Не дрищ, а все равно лох.

– Я сама ему сказала уйти!

– Послушный, значит...

– Что тебе нужно, Вишневский, а? Четыре года тебя не было и вот! Ты специально вернулся, чтобы мне жизнь испортить?

– Ма-ам, – в дверном проеме появилась лохматая макушка. Увидев Артура, девочка улыбнулась. – Привет.

– Привет, – поздоровался он, пытаясь понять, что чувствует теперь, узнав, что она точно его дочь. Опустившись на корточки, аккуратно дернул ее за тощую косичку: – Как дела, Кнопка?

– Я не кнопка!

– А кто же ты?

– Меня зовут Валюша! Но мама называет меня вишенкой.

– Милая, иди в дом, ладно? Тут дует, – засуетилась Веснушка, осознав, что дочурка сдала ее буквально с потрохами. – Я сейчас приду. Иди.

– А он? – с детской непосредственностью кивнула на Вишневского.

– А он уже уходит, – спровадив дочь, бросила на Артура полный бессилия взгляд.

– Вишенка, значит... – проговорил он вслух. – А теперь повтори еще раз, как сильно я тебе безразличен.

– Мне пора, – снова тяжелый вздох и не менее тяжелый взгляд. – Пожалуйста, не приходи сюда больше. И уж тем более не смей угрожать.

И ушла, закрыв за собой дверь.

Он постоял несколько мгновений в гудящей тишине лестничной клетки, улавливая отдаленные звуки жизни за чужой дверью, а после развернулся и ушел.

Ему нужно было хорошо обо всем подумать.

Часть 5

– Раскраска просто класс! Мам, смотри, мам! Ма-ам!

– Да, действительно класс.

– Поразукрашивай со мной.

– Правильно говорить "пораскрашивай". И давай чуть позже, ладно? Беги пока в свою комнату, скоро я позову тебя кушать, – испытывая угрызения совести, что спроводила дочь, Аглая закрыла дверь на кухню и, подойдя к окну, убрала занавеску. Осмотрела забитый соседскими машинами двор. Автомобиль Вишневого она узнала сразу, таких дорогих марок в их районе в жизни никогда не было.

Не уехал еще... Да и приезжал зачем? Чтобы своим появлением снова разбередить ей душу?

Она только научилась жить без груза прошлого, отпустила и смирилась. Ведь не нужна ему дочь, зачем она ему? Такому карьеристу с идеальной репутацией и дипломом о получении степени магистра в Гарвардском университете.

Он никогда не хотел детей, она об этом знала. И то, что ее он никогда по-настоящему не любил, она знала тоже. Нет, что-то безусловно было: симпатия, интерес, игра, но не то самое чувство, которого она от него ждала. Не смотря на полное понимание горькой действительности она все равно решила родить Валюшу и не было ни дня, чтобы она вдруг об

этом пожалела.

О беременности она узнала довольно поздно, долгое время ее не смущали ни длительная задержка, ни отсутствие аппетита, ни утренняя тошнота. Все это она списывала на сильный стресс после его предательства и отъезда. Когда он уехал в Америку, она долго не могла прийти в себя, рыдая в подушку в своей комнате. И ведь понимала головой, что такой исход был неизбежен, что с самого начала не нужно было строить иллюзий, а глупое сердце все равно верило...

Потом купленный тайком тест на беременность, обострившийся токсикоз, признание матери в том, что ждет ребенка...

Она не сказала ей, кто отец. Никому не сказала. Хотя была уверена, что мама догадалась сама, правда, никогда своих предположений она вслух не озвучивала. Она не осудила ее и уж тем более не заставляла избавиться от ребенка, только лишь сказала: "ну что ж, значит, будем рожать". И Аглая родила. Ровно через девять месяцев крепкую девочку весом в целых четыре килограмма триста пятьдесят грамм. И понеслось: оформление пособий, молочная кухня, талоны в детскую поликлинику, потница, диатез, календарь прививок... Валюша практически не спала до года ночами, молодая мама ходила словно зомби, и счастливые фотографии одноклассниц, которые поступили куда хотели, совсем не добавляли ей оптимизма. На нее показывали пальцем.

Ее осуждали. Ее жалели. Задавали бестактные вопросы и

строили предположения.

Конечно, отличница, приличная девочка и вдруг "принесла в подоле", ведь ни с кем же не встречалась даже! Особенно любопытные "доброжелатели" не исключали, что она обязательно повторит печальную судьбу своей тети. Но назло всем Аглая не расклеилась: едва Валюше исполнился год, сразу поступила на заочное, устроилась на работу в логистический центр и, подкопив, сняла квартиру в городе. Она со всем справилась и по праву гордилась собой. И была бесконечно счастлива, что не совершила непоправимую ошибку, ведь ее дочь – настоящее чудо, маленький вихрь, который перевернул ее жизнь вверх дном. Совсем как когда-то ее отец, который потом покинул страну, так и не узнав, что у него будет ребенок...

Признаться, было у нее несколько малодушных порывов все ему рассказать: сначала о беременности, когда только увидела две полоски, потом когда родила. Затем когда Валюше исполнился год. Но каждый раз ее останавливал разум – а какой во всем этом смысл? Даже она одна никогда не была ему по-настоящему нужна, о чем он открыто заявил своей матери в тот роковой вечер, а уж вместе с нежеланной дочерью не будет нужна тем более.

Зачем ему ребенок от какой-то дочери кухарки? Она приняла решение не унижать себя этим звонком. И ничего не рассказала. И почему-то совсем не думала о том, что когда-то он вернется и проявит интерес к ее жизни. Она была

уверена, что он ее забыл, но, как вышло, нет... И она не знала, что обо всем этом думать.

Голова шла кру́гом: волнение, страх за будущее, за то, что вдруг он на самом деле захочет отобрать у нее дочь. И он сам... Она смотрела в окно на его машину и проклинала себя за душевную бурю, связанную с его приходом. За то, как отреагировало тело на его близкое присутствие, за воспоминания о тех нескольких днях, когда она еще позволяла себе наивно верить в сказку...

Неожиданный звонок в дверь заставил ее подпрыгнуть на месте и резко задернуть занавеску обратно.

Это он. Вернулся.

Выходил он из машины или нет?

Она настолько погрузилась в свои размышления, что упустила этот момент.

Первая мысль – не открывать! И тут же поняла, как глупо это будет выглядеть. Она уже не та Аглая, которую он когда-то знал, и та школа жизни, которую она прошла благодаря ему же, не прошла для нее даром.

Он может говорить, что хочет, запугивать ее как хочет – не сработает. И она обязательно найдет, что ему ответить.

Бросив в зеркало быстрый взгляд, она поправила соскользнувшую с плеча футболку, волосы и повернула ключ...

– А, Валь, это ты. Проходи, – посторонилась, не понимая, что именно почувствовала в этот момент.

Радость, что это не Вишневский или все-таки разочарование, что это не он?

– А я пирожные картошка принес, – Валентин приподнял бумажную коробку и, чуть пригнув голову, вошел в дом. – К чаю.

С Валентином они познакомились пару месяцев назад, после того как он снял соседнюю квартиру. Добродушный тридцатипятилетний холостяк, без вредных привычек и, несмотря на внушающие габариты, довольно безобидный. Она знала, что нравится ему, и что вот эти его чаепития не просто так, но пока ответить взаимностью не могла. Не тянуло, не горело... Ей вообще порой казалось, что то чувство, которое она уже когда-то испытала, больше ни с кем другим никогда не повторится. Слишком сильной была ее слепая любовь... и слишком большой боль предательства.

– Тогда мой руки, мы как раз собрались ужинать, – забрала коробку с презентом и пошла накрывать на стол.

Когда Валюша кое-как доела свою порцию и убежала в комнату смотреть мультфильмы, они с Валентином остались наедине. Признаться, она не слишком любила эти моменты, почему-то ей сразу же становилось немного неловко. А сегодня там более, после той сцены на лестничной клетке...

Кажется, он вдруг вспомнил о том же самом.

– Все нормально было после того, как я ушел? – спросил, отставляя пустую кружку чая. Третью по счету. Аппетит у него поистине был отменный. – Вид у того типа был не очень

дружелюбный.

– Да, все хорошо. Если бы вдруг что, я бы позвала тебя на помощь, – собрала со стола пустые тарелки, подумав о том: а почему же он ее вот так просто оставил один на один с Вишневым? А если бы он оказался психопатом? Ударил ее или еще что похуже?

Разве он не должен был он хотя бы убедиться, что ей точно ничего не угрожает? Вот так уйти закрыв за собой дверь...

– Это был он, да? – задал вопрос Валентин.

– Кто – он?

– Ну, отец Валюши.

Аглая поставила тарелки в раковину и обернулась.

– Они так сильно похожи?

– Да нет, – дернул массивным плечом. – Просто ты так на него смотрела...

– И как же я на него смотрела? – немного нервно улыбнулась она. – Даже интересно.

– Так, как на меня ты не смотрела никогда.

О, Боже, неужели все было настолько очевидно?

Ей казалось, что она отлично сыграла роль холодной и равнодушной, думала, что Вишневский ни о чем не догадался. Но если даже Валентин все сразу понял...

– Я не знаю, что у вас там были за отношения, почему вы расстались, но если он вас бросил, то какой он после этого мужик?

Ей захотелось спросить: "а почему же ты тоже меня сего-

дня с ним на лестничной клетке бросил", но раздувать эту тему не стала. К тому же она сама сказала ему, что все в порядке и чтобы он уходил.

– Все слишком сложно, Валь, – обтекаемо ответила она и опустилась на краешек стула. – Его много лет не было в стране и он даже не знал, что я была беременна. Не знал про Валюшу.

– Ты не сообщила ему?

– Нет.

– Значит, не заслужил, чтоб сообщала! – он протянул руку и накрыл своей мясистой ладонью ее. – Если нужно проучить недоумка, ты только скажи.

– Спасибо, но я как-нибудь сама. "Собственно, как и все эти годы", – проговорив последнее про себя, она натянула улыбку и вытащила руку из-под внушительного груза. – Еще чаю?

Пока ставила на плиту чайник, снова бросила взгляд в окно – машины Вишневого на месте не было...

Часть 6

Три дня Вишневский думал, не предпринимая никаких действий. Внешне совершенно непробиваемый, изнутри он напоминал сложную вычислительную машину. Его мозг не расслаблялся ни на минуту: он взвешивал, оценивал, планировал, впрочем, как и все в своей жизни.

Он не любил хаос. А появление дочери в неполные двадцать восемь этим хаосом и было.

Почему она ничего не рассказала раньше? Почему? Это могло бы многое изменить! А изменило бы? Он действительно бросил бы магистратуру и вернулся в Россию? Отказался от перспектив? Это был сложный вопрос, да и вообще, зачем думать о том, что уже не изменить. Одно он понимал ясно и точно – он бы не проигнорировал данный факт и как минимум каждый месяц переводил бы какую-то сумму. Не оставил бы ее одну.

Дочь. Маленькая Вишневская. Человек, в котором течет его кровь.

Это было странное осознание, больше похожее на сюрреализм. Потому что он был более чем уверен, что детей у него точно нет и, возможно, вообще не будет. По крайней мере до двадцати семи он никогда об этом не думал. И вот, пожалуйста. Почему она не дала девочке его фамилию? И какое

же у нее все-таки отчество? Он гонял эти мысли по кругу, словно бумеранг в замкнутом пространстве, ощущение чего-то бесконтрольного не позволяло ему с головой окунуться в предложенный Глызиным проект.

А тот Валя? Кто он для нее? Кто он для его дочери? Думать о том, что его ребенок будет называть отцом какого-то деревенского увальня было физически неприятно. Девочка даже не знает, кто ее настоящий отец! Чертова Веснушка!

Он вспомнил, как она на него смотрела, с какой яростью разъяренной львицы отстаивала свою дочку, и не смог не улыбнуться ее самоотверженности и где-то наивности. Ведь если он на самом деле захочет, то с легкостью сможет забрать ребенка себе. Со связями его родителей и средствами, которыми их семья располагает – это будет несложно. Другое дело, что ничего подобного в его планы не входило. Он был более чем уверен, что она хорошая мать, беспокоиться не о чем...

И тут до него стало доходить, что он понятия не имеет, как они живут. На что, в каких условиях. Дом их он видел – зрелище не для слабонервных. Но это только фасад, а что внутри? И понял, что должен это выяснить.

Узнать, в какой детский сад ходит Валюша оказалось проще простого, Вишневский даже испытал что-то похожее на раздражение, что вот так просто можно найти информацию о маленьком ребенке. Еще больше его возмутило в каком со-

стоянии находится старое здание – двухэтажное, явно давно нуждающееся в ремонте.

А детская площадка? А система безопасности? Где охрана?

За те двадцать минут, что он просидел в машине напротив входа, никто не подошел и не спросил, кто он такой и что он здесь делает. Никто!

По информации, что он успел подсобрать, Веснушка заканчивает свою работу в логистическом центре в половине шестого, примерно без пятнадцати шесть она уже забирает дочь домой. И работа и дом находятся в шаговой доступности. Наверное, специально так подбирала, все продумала.

Сложно было сопоставить образ той девчонки, что он помнил по годам жизни по-соседству с той, кем она на самом деле оказалась. Он всегда считал ее скромной, даже где-то зажатой. Но внутри этой на вид хрупкой оболочки оказался поистине титановый стержень. В другой момент он бы однозначно восхитился – его всегда привлекали сильные личности, но сейчас, когда дело касалось его ребенка...

Вишневский взглянул на часы и отметил, что уже без пятнадцати шесть, вот-вот она должна уже подойти. Он бы вошел и забрал девочку сам, но прекрасно понимал, что вряд ли ее с ним отпустят, для них он просто посторонний мужик.

Как и для твоей дочери, собственно.

В положенное время Веснушка не подошла. Как и в шесть и начале седьмого. Где ее носит? И часто она вот так бросает

дочь, дожидаясь, пока она не останется там последней? Может, собранная информация о ней не такая уж и полная?

В двадцать минут седьмого он плюнул и решил-таки выйти из машины, как увидел, что в ворота детского сада вошел увалень Валя. Что за?!..

Что этот ожиревший медведь здесь делает?

Она же сказала, что он просто "сосед и друг", выходит, не просто?

Какого черта?!

Когда Валентин вышел из детского сада держа в своей лапе руку его дочери, Артур уже поджидал его у ворот.

– Привет, – узнала его первой Валюша и улыбнулась.

– Привет. Это тебе, – Вишневский достал из кармана пачку желейных мишек и, наклонившись, отдал девочке. – Эти сладкие, с клубникой. Специально искал.

– Ага.

– Пойдешь со мной? Покатаемся немного на моей красивой машине, пока твоя мама не вернется. Ну, как тебе идея?

– Нет, не поеду, – насупилась она, крепче вцепившись в руку Валентина.

В руку чужого мужика!

И именно вот этот эпизод заставил его окончательно раскрыть глаза на происходящее. Она верит ему, этому недогризли, ищет у него защиты, а родного отца боится. Потому что совсем не знает правду. И это не его вина. Ее! Аглаи!

Его задело, где-то даже унизило подобное положение ве-

щей. Он, человек, который по жизни привык чувствовать себя на голову выше, теперь ощущал себя проигравшим.

По взгляду увальня он понял, что тот в курсе, кто он такой. А значит и скрывать нечего.

– Где она? – не церемонясь, резко спросил Вишневский.

– Кто она?

– Ты прекрасно знаешь, кто! – и понизил тон. – Втираешься в доверие к моей дочери? В папочки метишь?

– Ну хоть кто-то должен им для нее стать.

Вишневский не выносил рукоприкладства, считая разборки на кулаках чем-то сродни обезьяньих танцев, но сейчас жутко захотел дать этому ушлепку по морде. Нормально так, от души, и плевать на сдачу.

Он сдержался только потому что снизу вверх на него смотрела его маленькая дочь.

– Иди пока покатайся на... на вон той штуке, – кивнул Вишневский на скособоченную карусель, и когда Валюша убежала, обернулся на бугая напротив: – Не лезь, куда тебя не просят, ты понятия не имеешь, какие нас связывали отношения. Ты вообще им никто и пока не вернется Аглая, с дочерью побуду я.

– А теперь ты слушай сюда, небожитель, – визави тоже сменил тон, – я, конечно, гарвардов не кончал, но в жизни кое-что да смыслю. Ты бросил их, их обеих, так что проваливай. Она попросила меня забрать дочь. Меня, а не тебя. Сечешь?

Обрюзгший гризли бесил его все больше и больше. Эта его рожа с розовой кожей, белесые ресницы, рыбий взгляд и напускная самоуверенность.

Неужели она с ним... Этим уродом?

Неужели у нее все настолько плохо?

Чем он ее зацепил?

Он ощутил, что теперь им обуяла не только ревность к дочери, а что-то другое. Что-то похожее на... ревность к Веснушке?

Она и вот он, и его жирные лапы...

– Дай мне номер ее телефона, – скрывая ярость, отрезал он.

– У тебя и номера ее нет даже? – хохотнул. – Совсем все плохо, да?

Да он откровенно нарывается!

Вишневский ощутил, как дернулись уголки губ, совсем как у волка, когда тот собирается наброситься на бестолковую добычу и с хрустом перекусить сонную артерию.

Его бесил этот мудака и он как никогда был близок к тому, чтобы дать ему по морде.

Обернулся на дочь: та сидела на качелях, внимательно глядя на двух здоровых дядь, которые явно надумали что-то недоброе. Потом снова посмотрел на Валентина, дав тому последний шанс.

– Мы подождем ее возвращения здесь, на детской площадке. Мы – я имею в виду не нас с тобой, конечно.

– Аглая доверила забрать ребенка мне. Меня Валюша знает, а кто для нее ты? Просто левый мужик, им и останешься. Уж я позабочусь.

Вот и она, последняя капля, что переполнила чашу его поистине ангельского терапия.

Прикрыв глаза, он шумно выдохнул через нос и, взяв обеими руками Валентина за воротник, будто намереваясь поцеловать, со всей дури впечатал свой лоб в его переносицу. Сильно, до хруста в чужих костях.

Увалень отпрыгнул на шаг назад, зажав нос скрещенными ладонями. Сквозь пальцы-сардельки потекли струйки крови.

– Да я тебя закопаю, урод! ..., ..., ...!

Сквозь поток нецензурной брани Вишневский сначала услышал плач Валюши, а потом увидел Веснушку.

Она в прямом смысле летела разъяренной фурией. Проскочив мимо них, подбежала к дочери и, взяв ее на руки, принялась успокаивать:

– Дяди так просто играют, милая. Это такая взрослая штука.

– У дяди Вали кро-овь из носа-а иде-ет...

– Это не кровь, тебе просто показалось.

Удерживая ее так, чтобы дочь не видела картины напротив, подошла к Валентину и пихнула ему в руки упаковку влажных платков. Потом обернулась на Вишневого, и ему показалось, что настолько лютой ярости в чьем-то взгляде он никогда не видел.

– Чтобы я не видела тебя больше возле моего дома. И возле моего ребенка. Никогда, слышишь?

– Он нарывался! Ты вообще в курсе, кто он? Слышала, что он несет?

– Какой же ты... – стиснула зубы и окинула его взглядом с головы до ног, –... ненавижу!

И быстро чеканя шаг пошла к дому.

Артур смотрел на заплаканное лицо девочки, что положила подбородок на плечо матери, потом опустил взгляд на зажатую в ладошке упаковку желейных мишек...

Она боится его. Боится собственного отца. И вместо того, чтобы как-то найти контакт, он, сам того не желая, испугал ее еще больше.

– Ты услышал, что она сказала? – вмешался в хаос его мыслей гундосый голос Валентина.

Вишневский посмотрел на неказистого противника и ощутил, что чертовски устал.

И что точно не сделает того, что от него потребовали. Он не исчезнет из их жизни. Теперь определенно нет.

– Да пошел ты, – развернулся и зашагал к своей машине.

Часть 7

Он не видел их несколько дней, вплоть до следующих выходящих. Просто решил, что нужна передышка: ему, ей, им обоим. Нужно остыть и привести голову в порядок. Свыкнуться мыслью, что теперь он отец. С последним было особенно сложно, потому что кроме пары мимолетных встреч у него совершенно не было времени чтобы узнать эту девочку ближе.

– Я съезжаю в конце месяца, – довел до сведения матери за ужином в субботу. Как обычно, в моей манере, словно между прочим.

– Как в конце месяца? – отложив прибор, округлила глаза Инна Алексеевна. – Но к чему такая спешка? Мне казалось, что тебе нравится жить здесь.

– Нравится, но ездить туда и обратно каждый день будет не слишком удобно. К тому же пора уже оторваться от твоей юбки, тебе не кажется?

– Как будто бы ты за нее когда-то держался, – махнула рукой мать, не оценив сарказм.

Вишневский поднялся из-за стола и, удерживая в руках чашку чая, подошел к окну. Посмотрел на лазурную гладь бассейна и почему-то вдруг вспомнил о том, как однажды Веснушка сидела у левого бортика и, опустив ноги в воду,

читала какую-то книгу. Кажется, это было сразу после той ночи, когда он разбил свою машину...

Было странно, что он это помнит. Вообще помнит многое и поразительно четко все, что произошло в те дни перед его отъездом в Гарвард.

Он вдруг подумал о том, а не обрадовать ли мать свалившейся на голову новостью, но сначала решил, что должен для начала окончательно переварить это сам.

– Твоя подруга из Америки, как ее там...

– Джессика.

– Да, она. Ты вроде бы говорил, что она хочет приехать и познакомиться с нами.

– Не знаю, – он безразлично дернул плечом. – Может быть.

– Неужели у вас все серьезно?

Серьезно ли у них? Неправильно поставленный вопрос. Скорее будет верным: что у них вообще.

Секс? Безусловно. Какое-то общение. Какие-то общие интересы. Все какое-то... *какое-то*. Там, в Америке, ему было... нормально с ней. Да, верное слово. Его ничего не напрягало, устраивало, что не нужно искать кого-то чтобы как следует разрядиться. Не глупая, красивая. Но вернувшись домой он вдруг понял, что даже не думает о ней. Не скучает, рука не тянется к телефону, чтобы набрать ее номер. Пусто. Зато по отношению к Веснушке в душе бушевало настоящее цунами. И все это его здорово напрягало.

Да, дочь это понятно, но ведь думал он не только о дочери. Совсем не только.

– Может, ты женился надумал? – с надеждой в голосе спросила Инна Алексеевна.

– На Джессике? Это вряд ли.

– Ты же знаешь, я в твои дела никогда не лезла, ты имеешь полное право выбирать, где работать, с кем заводить отношения, но насколько я поняла, она хорошая девушка и подходит тебе.

– Подходит мне? – обернулся он. – Ты же никогда ее не видела.

– Ее отец Ник Келлерман, владелец инвестиционного фонда...

– И это однозначно подкидывает несколько весомых плюсов в ее характеристику, да, мам? – усмехнулся, прекрасно понимая, к чему она клонит.

В принципе, он не видел ничего плохого в том, что люди выбирают себе в спутники человека из своего круга, было в этом некое разумное зерно – ничто не скрепляет союз настолько прочно, как деньги. Все взаимозаменяемо, но миллионы, что лежат на общем счете – за это будут держаться из последних сил. Только дело было в том, что хоть он и не осуждал подобный подход, но сам идти по этому пути был не намерен. Ни с Джессикой, ни с кем-то еще. Но просвещать в свои планы мать не торопился.

Он вдруг подумал о том, что будет, когда она узнает, от

кого на самом деле родила Аглая. Она явно будет в шоке и все это ей абсолютно точно вряд ли понравится. Или... она уже знает, но думает, что не знает он, поэтому молчит?

Он снова взглянул на мать и не смог не отметить, что для своих сорока восьми выглядит она очень хорошо. В ее роду были чистокровные дворяне, и она очень гордится своей богатой родословной. Отец тоже не из простолюдин. Он сам отпрыск людей с гордой фамилией – и вдруг внучка от дочери кухарки! Всю малину испортил, – почему-то не без удовольствия подумал он, но мыслей своих не озвучил. Пока.

Впрочем, спустя мгновение все вылетело из головы, когда он увидел, как из гостевого домика вышла Веснушка.

Она здесь? Но когда приехала? Удачный момент для разговора, лучше не придумать.

– Ты куда это?

– Воздухом свежим подышать, – не отрывая взгляд от происходящего за окном, поставил чашку на подоконник, а после развернулся и направился к выходу.

– Артур! – задержала его мать. Схватив его за локоть, встревоженно взглянула на сына. – Не надо.

Ей не нужно было объяснять, что именно не надо, они поняли это оба. Ведь она знала, что четыре года назад, до его отъезда в Америку, у них с Аглаей было некое подобие отношений. Если, конечно, большую привязанность и единственный секс таковым словом можно назвать.

– Оставь ее, пусть живет как хочет. К тому же у нее есть

молодой человек.

О, да, видел он. Даже нос ему сломал. Но этого матери тоже знать было необязательно.

– Я рад за нее. Но воздухом все-таки подышу, – освободился от ее руки и вышел из дома.

Увидев его, неторопливо приближающегося к их участку, она явно напряглась, но не ушла – продолжила развешивать на поставленной во дворе сушилке гирлянду разноцветного белья. Волосы ее были мокрыми, на лице ни капли косметики.

– Банный день? – опустив руки в карманы, Артур кивнул на заполненный тряпками таз. Она кинула на него косой взгляд и молча продолжила заниматься своим делом. – Только не говори, что не ожидала меня здесь увидеть.

– Ожидала. Но хотела ли – вот в чем вопрос.

– Серьезно? Не хотела? Вообще-то, я здесь живу, встреча была неизбежна. И не делай вид, что ты этого не знала.

– А еще тут живет моя мама и прекращать видеться с ней из-за тебя я не собираюсь, – она достала наволочку и специально встряхнула ее так, чтобы вся вода попала на Вишневого.

Злится. Это хорошо. Очень хорошо. Равнодушие – вот что бы его насторожило.

– И часто ты посещаешь свою маму? Или великая любовь вспыхнула после моего приезда? – ну как же не поддеть.

Она только собралась достать новую тряпку, но после его

слов опустила ее обратно. Прищурилась.

– А ты все такой же, совсем не изменился. До сих пор считаешь, что мир крутится только вокруг одного тебя?

– А это не так?

– Нет, это не так, – опустила глаза и растянула на металлическом пруте другую наволочку. Видел он, как нервно подрагивали ее руки. Она волновалась. Переживала. И явно из всех сил старалась не выдать того, что на самом деле кроется внутри. – Просто у нас в доме ремонт водопровода, несколько дней не будет воды, так что мое появление здесь – вынужденное.

– А где моя дочь? – спросил он, подходя ближе.

– Она уехала с мамой в гости к родителям Иракли.

– Когда ты скажешь ей?

– О чем? – снова отложила все дела и посмотрела ему в глаза.

– О том, кто ее отец. Если этого не сделаешь ты, это сделаю я. Выбирай.

– Господи, Артур, может, хватит уже? – повысила голос, волнуясь еще больше. – Зачем тебе это все, для чего? Ну какой из тебя отец?

А вот это задело. Почему-то он вспомнил крошечную ручку своей дочери в огромной лапе Валентина. И вспомнил ее испуганные глаза, когда он набил морду этому кретину...

– То есть по-твоему, твой Валентин подходит для этой роли лучше?

– Твой поступок был омерзителен! Ударить ни в чем неповинного человека... Между прочим, ты нос ему сломал.

– А в следующий раз сломаю что-нибудь еще, если он снова подойдет к моему ребенку.

– Ты понятия о ней не имел целых четыре года!

– Может, потому что ты не соизволила мне о ней рассказать? – начал закипать он.

Она тоже негодовала: от тяжелого дыхания грудь грудь ходила ходуном, веснушки пылали. И он снова вспомнил... Вспомнил, чем она его тогда зацепила, почему он тогда на ней словно помешался... Вспомнил их единственную ночь и ощутил приятное эмоциональное возбуждение.

Она не делала вид, что не такая как все, она не такой как все и была.

Начиная от внешности, и заканчивая просто феноменальной упертостью характера в таком, казалось бы, хрупком тельце. Стоило признаться, довольно соблазнительном, особенно сейчас.

– У тебя своя жизнь, Артур, а у меня – своя, давай не будем мешать друг другу? – предложила она, подняв между ними воображаемый белый флаг. – Валюша слишком эмоциональная и принимает все близко к сердцу, она намного умнее многих девочек-сверстниц и все понимает. Если рассказать ей сейчас, что ты ее отец, особенно после того, что она недавно увидела... Ты напугал ее.

– Да не собирался я его бить! – разозлился Вишневский.

– Но он сделал все, чтобы вывести меня на эмоции, а ты знаешь, что в моем случае это сделать не так просто. Мне он не нравится.

– Еще бы он тебе понравился, – улыбнулась она, но совсем не по-доброму.

– Это не ревность, если ты клонишь к тому.

– Конечно, нет, с чего бы вдруг, – а вот это прозвучало уже как будто бы даже слегка обиженно. Она снова запустила руки в таз и выудила мокрое полотенце. – Ревновать человека, который для тебя никто и никогда кем-то не был... Уж точно не в твоём случае.

– А вот тут поподробнее, – вцепился в тряпку с другого конца, не позволяя ей повесить белье на веревку. – Ты говоришь так, как будто я тебе что-то когда-то обещал.

– Нет, ты всегда был со мной честен. Ну, почти всегда... О главном ты все-таки умолчал.

– И о чем же?

– Я не хочу об этом, – выдернула из его рук полотенце и раздраженно повесила на веревку. – Как я уже сказала – у каждого из нас своя жизнь, пусть так и остается.

Какая же она все-таки... гордячка. Маленькая, настырная, до невозможности упертая. Его бесила ее эта черта, но в то же время не могла не восхищать.

Много ли в наше время девчонок, что забеременев от обеспеченного парня взвалют все на свои плечи? Абсолютно глупый поступок, но ведь в то же время и сильный.

И откуда только что берется?

Ему казалось, что годы проведенные порознь не приходят для людей даром. Он был уверен, что забыл ее, их хоть и яркую, но все-таки мимолетную связь. Забыл, как цинично она указала ему на дверь, сразу после проведенной вместе ночи. Забыл вкус ее губ, заменив его вкусом сотен губ совсем других. Он был уверен... Но сейчас, здесь, рядом с ней, все начало меняться. И это ему не нравилось. Они по-прежнему слишком разные, между ними по-прежнему огромная социальная и нравственная пропасть. Да, у них есть общая дочь, но ведь наличие ребенка не обязывает мужчину испытывать что-то к женщине, что его родила. Но к ней...

Он снова окинул ее взглядом, задержался на хрупких покрытых крошечными веснушками плечах, скулах, ресницах, влажных слипшихся прядях... А потом вспомнил Валентина, это нескладного разжиревшего гризли и испытал что-то на похожее на злость.

– Ты на самом деле собираешься выйти за него? – спросил, даже не успев обдумать свой вопрос.

– А тебе какая разница? Моя личная жизнь тебя не касается, – взяла под мышку пустой таз и пошла к дому.

– Теперь – касается, – пошел следом, – у нас дочь. Его она отцом называть точно не будет.

– Как и тебя.

И снова он не успел подумать: схватил ее за предплечье и затащил в дом, а оказавшись в крошечной прихожей, при-

давил к стене, выстроив по обе стороны от ее головы неприступные баррикады рук.

На его удивление, она не стала брыкаться, отталкивать его и звать на помощь, она смотрела на него прямо и решительно, и в ее взгляде отчетливо читался запретный призыв.

Она стала совсем другой, ушла наивность, детская непосредственность и мягкость, словно никогда их и не было. Перед ним стояла новая Аглая – сильная, уверенная, и она новая притягивала его сейчас не меньше.

И за свою вспыхнувшую тягу к ней о себя сейчас проклинал.

– Чего ты добиваешься? – спросил он, не раскрывая карт.

– Я не поняла твой вопрос.

– Хочешь ты чего? – повторил он, перемещая быстрый взгляд по доступным взгляду частям ее лица и тела: глаза, ключицы, шея, рот.

Быстро облизал свои губы, ощущая уже знакомый каждому мужчине разгон тестостерона. – Ты позлить меня решила?

– Да не собиралась я тебя злить, снова считаешь себя центром вселенной.

Ее дыхание было глубоким, надсадным. Тоже быстро облизала губы, но уверенный взгляд от его пронизывающих глаз не отвела. – Я действительно хочу, чтобы ты оставил нас в покое.

– Чушь! – самоуверенно бросил он. – Хочешь сказать, что

всю жизнь мечтала о деревенщине, который весит полторы тонны?

– А ты хотел бы услышать, что о тебе?

– Я хотел бы услышать правду.

– Валентин хороший и порядочный человек...

– И засыпая, ты думаешь о нем? – он наклонился к ее лицу, специально провоцируя на то, чтобы выдала свои истинные эмоции, но она оказалась на удивление стойкой.

– А кто тебе сказал, что мы не засыпаем с ним вместе?

Вот же зараза!

Он отпрянул, изо всех сдерживая нарастающее раздражение. На то, что сейчас она, а не он, оказалась более стойкой. Хотел вывести на эмоции ее, а в итоге вывелся на них сам.

Да как у тебя это получается, пигалица?

– Когда вернется моя дочь? – спросил он, специально сменяв тему.

– Прекрати постоянно делать акцент на том, что она твоя.

– Но она же моя.

– Биологически. А по факту никто, она знать тебя не знала все эти годы.

– Благодаря тебе.

– Конечно, а как я должна была поступить? – разозлилась она, как и всякий раз, когда речь заходила о ее ребенке. – Я должна была рассказать ей, что где-то там, в Америке, топчет улицы Бродвея ее папочка? Что просто воспользовался ее мамой и... – осеклась, явно не желая развивать тему. – В

общем все, Вишневский, пожалуйста, давай не будем. Просто уходи.

– Воспользовался ее мамой? – прищулив глаза, сразу же зацепился он. – То есть ты считаешь, что я тобой просто воспользовался? На жертву ты мало похожа.

– А тебе хотелось бы, чтобы я превратилась в ничто? – не сдавала позиций она. – Чтобы создала алтарь имени тебя, плакала ночами возле твоей фотографии?

Как бы грубо это не прозвучало, но да, первое время, преисполненный идиотской обиды, он хотел, чтобы она сильно пожалела о том, что сделала. Конечно, хотел. Хотел, чтобы помнила о нем и каждый божий день просыпаясь утром жалела о своем поступке. Ведь это она кинула его, сказав, дословно: "Я слишком долго тебя любила и перегорела. Ты стал моим первым, мечта исполнилась, пора придумывать другую, но уже без твоего участия".

Это были ее слова! Так какого черта она стоит сейчас и собирает какую-то чушь, что это он ей воспользовался?

Может, потому что это вообще в природе женщины обязательно найти крайнего, и обязательно "козла", на которого можно свалить все свои неурядицы?

Но вот загвоздка – по отношению к ней он как раз-таки козлом не был. Наверное, к ней единственной. Да он в Америку ее забрать с собой хотел! И забрал бы, сложись оно все иначе. Возможно, через два дня бы пожалел о своем решении, но получать образование можно было и не оставаясь

вместе.

Отец вполне был в силах оплатить ее обучение и проживание, более того, наверняка был бы не против: ее отца, который когда-то ценой своей жизни спас жизнь ему, он очень уважал и был перед ним в долгу. Ее реальность могла бы быть сейчас совершенно другой, но она сама взяла все и испортила.

И еще вот так запросто обвиняет его в том, что это он ей воспользовался? Да она хотела той ночи не меньше его! Она знала, что делает. Тогда какого черта?

Он снова осмотрел ее с головы до ног, внешне не изменилась совсем, но взгляд, уверенность, которую она излучала, ее цинизм...

И что напрягало в этой ситуации его больше всего, она новая заводила его мозг не меньше не старой. И помятуя о прошлом он понимал, что это очень дерьмовый знак.

– А ты изменилась, – не смог не отметить. Возможно, даже с долей скрытого уважения. – Стала совсем другой.

– Учителя были хорошие.

– Избитая фраза.

– Как и ситуация.

Он бы обязательно уточнил, что именно она имела в виду, но в заднем кармане зазвонил телефон. Раздраженно вытащив аппарат, он надавил на кнопку вызова и, не сводя глаз с Аглаи процедил:

– Yeah, baby, – а потом ушел, оставив ее одну.

Часть 8

Да, детка.

Не нужно быть полиглотом, чтобы перевести такие простые два слова. Он ответил на звонок: да, детка.

Детка...

В груди сдавило. Это было очень хорошо знакомое, но уже слегка забытое ею чувство. Она ревновала его все те годы, что знала и втайне любила. Ревновала не открыто, не агрессивно, просто держала это неприятное чувство в глубине души, а он, пусть и не специально, по постоянно его подпитывал. Когда привозил к домой своих девушек, когда уводил их в свою спальню.

Конечно, она прекрасно понимала, чем они там будут заниматься и думать об этом не хотела, даже запрещала... но все равно думала, отравляя саму себя монотонной ревностью.

Ревновала она его даже совершенно не видя, например, когда он жил в Америке. Она была жутко на него обиженная, разочарована, раздавлена, ей было дико больно, но ведь сердцу, к сожалению, приказать невозможно. Он бросил ее, а она продолжала любить его, ненавидя. И ревновать. Но эта была пустая эфемерная ревность. "Ревность где-то там".

Потом родилась Валюша и ей стало не до лелеяния сво-

их чувств – младенец с легкостью переключит мысли кого угодно.

Да, он где-то есть и он ее бросил, так в жизни случается. Конечно, он не тратит там время даром, но убивать себя мыслями о человеке, которому это точно не нужно непростительная глупость, – убеждала она саму себя.

Но все это было раньше, пока его не было рядом, а теперь он появился и был так близко... Легко ненавидеть человека, когда он далеко, легко думать, что ты сильная, не видя его глаз...

А прикосновения?

Она ненавидела себя за душевный ответ, за то, что тело молниеносно реагировало на его руки. Ей пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не показать истинных эмоций. Однажды она уже открылась ему и во что это в итоге вылилось?

Она видела сейчас как он на нее смотрел, и на какое-то мгновение даже решила, что если это не чувства, то небезразлична она ему точно, ведь не зря он так взъелся на Валентина – да он тоже ревновал! А потом это сказанное на английском "детка"...

Это было больно. Глупо, нелепо, совершенно нелогично, но все равно по-женски больно... Ведь чтобы ни произошло, как бы сильно он не обидел ее в прошлом, она все равно не смогла окончательно его забыть.

Аглая подошла к окну и, убрав занавеску, незаметно вы-

глянула на внутренний двор: Артур лежал на одном из шезлонгов у бассейна и, опустив на глаза солнечные очки, говорил по телефону.

С ней. "Деткой".

Кто она, его американская подружка?

Наверняка красавица с обложки Вог, наверняка из обеспеченной семьи. Образованная, яркая, живая.

Та, что ему подходит.

Ее злило, что она вообще думает об этом, но не думать не могла. И чем больше мыслей крутилось в ее голове, тем хуже ей становилось.

Черт бы побрал этого Вишневого! Лучше бы он вообще не возвращался!

Она задернула занавеску и занялась какими-то домашними делами, честно попыталась отвлечься, но чтобы она не делала, мысленно возвращалась к их стычке, прокручивала в голове их диалог и "детке"...

Все-таки это невыносимо больно.

Часть 9

Весь следующий день Вишневский крутился в городе, потом вернулся домой, забрал нужные документы, сменил джинсы на строгий костюм и, выехав за ворота увидел, что Веснушка и Валюша стоят под козырьком у этих самых ворот.

Аглая говорила с кем-то по телефону, а девочка, вытянув руку, ловила ладошкой капли мелкой мороси. На ее плечах яркими желтыми полосками выделялись лямки рюкзака, на голове болтался капюшон такого же желтого дождевика.

И чего они тут зависли в такую погоду?

– И что теперь? – доносился ее приглушенный из-за шума дождя голос. – Мы уже вышли и ждем! Когда вы пришлете следующую машину?... Час? Вы серьезно?!

Артур опустил до конца стекло и выглянул на улицу. Не смог не отметить, что в этой голубой, чуть промокшей джинсовой куртке она выглядела очень даже симпатично.

– Какие-то проблемы?

– Нет никаких проблем, – раздраженно отшила его она. Смахнув с дисплея капли, принялась что-то быстро набирать на виртуальной клавиатуре.

– Наше такси не приехало, – вздохнув совсем по-взрослому, ввела его в курс дела Валюша. – Мама злится.

Такси не приехало, значит...

– И чего вы тут мокните? Почему не дома?

Девочка пожалала плечами и принялась снова с воодушевлением ловить капли.

Дел у него сегодня было еще по горло – реально каждая секунда на счету, но бросить их вот на улице он не мог.

– Переждали бы дома, – сказал он, дождавшись, когда она что-то дописала и сунула телефон в карман. – Зачем тут стоять.

– Мама с Иракли уехали на УЗИ, забрали с собой ключи, – нехотя поделилась она и шмыгнула носом. Погода сегодня действительно выдалась пасмурная.

– Так у нас могли бы подождать свое такси.

– Неудобно. Да и дома у вас никого нет.

Какие мы...

Вишневский взглянул на часы и отметил, что время уже сильно поджигает. Через два часа его ждали на собеседовании по поводу должности в Сколково. Сколково – это не переговоры на точке с овощами у дяди Вазгена, наплевательски ну никак. Там каждая наносекунда на счету, потому стоит она несколько сотен, а то и миллионов.

Дом Аглая и инновационный комплекс находились в разных районах города, если только сильно поторопиться...

Ну не бросать же их здесь действительно, в конце концов.

– Садитесь в машину, – вздохнул он и открыл для нее соседнюю дверь.

– Это еще зачем?

– Домой вас отвезу. Зачем.

– Не стоит утруждаться, – задрала подбородок и притянула девочку ближе к себе.

– Садись, говорю. Ребенка простудишь.

Видимо, это и стало тем самым весомым аргументом. Она вздохнула и, поправив на дочери капюшон, шагнула к его машине.

Потянула на себя ручку двери, заглянула в салон... и вернулась обратно под козырек.

– И что не так? – уже начал терять терпение он.

– Твоя машина.

– И что с ней?

– Она двухместная.

– Это Феррари, Веснушка, конечно, она двухместная, – закатил он глаза. – Не нравится? Привыкла на Майбахе разъезжать?

– Дело не в этом – куда мы посадим Валюшу? – абсолютно серьезно заметила она, и Вишневский беззвучно выругался под нос.

Точно! В машине мест только на двоих, ребенка поместить ну никак!

– Не страшно, мы новое такси подождем, – снова шмыгнула носом и, спасаясь от ветра, подцепила воротник куртки. – Сказали, что будут через час.

Артур залез в карман и достал оттуда ключ. Протянул ей

через открытое окно.

– Вот, переждите у нас, там плазма и горячий чай. Все лучше, чем здесь.

– Дома никого нет, Артур, мне неудобно! – возмутилась она. – Ты спешил куда-то, не смею задерживать. Правда, никаких проблем.

Стиснув зубы и заодно руль руками, Вишневский прошипел под нос тираду из крайне нецензурных ругательств.

Спокойствие, Дзен. Будь спокоен. Она твоя дочь, ты ее можешь бросить их тут! Будь выше, будь мудрее. Ты знаешь, как правильно поступить.

Снова достал ключ и, пикнув брелоком, оживил массивные двери ворот – те плавно поехали в разные стороны.

– Сейчас, пять минут.

– Что ты задумал?

– Тут стойте.

На старом добром отцовском Вольво не ездили, наверное, ни разу, с тех пор, как он перебрался в Америку. Пыли на кузове было немерено. Он вообще был не уверен, что машина заведется – наверняка от долгого простоя разрядился аккумулятор. Но, сев за руль, понял, что бак полон и аккумулятор вполне жизнеспособен.

Скорее всего Иракли не дал машине вращать шинами в пол.

Конечно, после кричащей роскоши Феррари Вольво показался ему старым проржавевшим баркасом на фоне белоснежной яхты, но выбора не было – две другие машины бы-

ли в ходу, придется довольствоваться тем, что есть.

Выехав за ворота, он снова бросил взгляд на часы – как назло время летело просто с космической скоростью.

– Садитесь, – бросил он, поторапливая женщин. – Быстрее, пожалуйста, я очень спешу.

Аглая поправила капюшон на голове дочери и, взяв ту за ручку, быстро метнулась к машине.

Дождь усиливался.

Забравшись внутрь, недовольно цокнула, что не укрылось от внимательного ока Вишневого.

– Что теперь не так?

– Тут нет детского кресла.

– Может, потому что в нашей семье никогда не было детей и никто не затаривался впрок? – изо всех проявляя терпение, подметил он. Возможно, слегка раздраженно.

Ее лицо окаменело.

– Я не просила тебя нас отвозить, – и взялась за ручку двери, явно намереваясь выйти.

– Прекращай. Пристегни ее пока простым ремнем, потом разберемся.

Ехали они в полной тишине, не считая тихого щебета из динамиков радио СтолицаFM. Дорога была мокрой, а видимость нулевой, поэтому скорость пришлось сбросить до минимума. На часы Вишневский уже даже не смотрел, понимая, что время безбожно не на его стороне.

– Она всегда такая тихая в дороге? – спросил, бросив

взгляд в зеркало на лобовом. Аглая сидела прислонившись виском к стеклу, грустно наблюдая в окно за серым в эту непогоду пейзажем.

– Валюша спит. Ее всегда сильно укачивает в транспорте, поэтому хорошо, что так.

– Меня тоже в детстве всегда укачивало, – зачем-то поделился он, осознав, что давно забыл о такой казалось бы несущественной мелочи.

Как и о том, что тоже не любит конфеты. Как и Валюша. Стоп! Он что, сидит и ищет в своей дочери признаки себя?

– А почему твой... кхм... Валентин за вами не приехал? – ну как же не спросить.

– У Вали нет машины.

Ну еще бы.

– И квартира съемная?

– Артур! – нахмурилась она, сцепившись с ним взглядом через зеркало. – Снова ты начинаешь?

– Я просто интересуюсь, ничего личного. Надо же хоть чем-то себя в дороге занять.

– У него была квартира, и машина была. Но потом он попал в нехорошую историю... В общем, его обобрали черные риэлторы.

Угу, еще и мозгов нет, значит. Точно лох, – самодовольно отметил про себя Вишневский, поставив возле своего имени очередную галочку.

Впрочем, сравнивать этого и его, это как сравнивать российский автопром с... В общем, перевес явно был на его стороне. И дело не в самолюбии и прочем – чистая объективность.

Но напрягало его другое – что он вообще взялся вдруг сравнивать себя с ним. Ну просто ни в какие ворота!

– И какие планы на будущее? – снова закинул удочку в мутную воду.

– В каком это смысле? – снова метнула в него через зеркало острые стрелы взгляда. – Ты о чем это?

– Ну, я о вас.

– Тебя это не касается. Неуместные вопросы для постороннего человека.

Он перевел взгляд с зеркала на дорогу и просто не смог не улыбнуться. Потому что он видел, как она старается делать вид, что не волнуется. Что ей все равно их такое близкое присутствие друг к другу, буквально на расстоянии вытянутой руки. И отвечала она так специально грубо, чтобы случайно не обнажить настоящую себя.

Все он видел и понимал. В ней. А вот в себе пока нет.

В Сколково он опоздал.

Пока доехали до МКАДа, из-за черепашьей скорости потратили уйму времени, плюс попали в большую пробку, на которую убили сорок драгоценных минут.

Это же Сколково, дубина, – укорял он себя. – Там за тобой

месяцами бегать никто не будет. Надо было ехать сразу туда!

Может, и надо... но он вот не поехал, а повез девочек домой. В их съемную двухкомнатную квартиру на окраине города.

Притормозив у подъезда, он шумно выдохнул, провел руками по лицу, стирая нервозность и накопившуюся усталость. Бросил косой взгляд на соседнее кресло, на котором уныло лежала папка с важным инновационным проектом, над которым он усердно работал последние два года.

– Что-то случилось? – сменив гнев на милость, тихо спросила она, просунув голову между передними сиденьями.

– Да так, ничего особенного. Всего лишь только что похерил одно важное дело, от которого зависело мое будущее.

– Это из-за нас, да? Ты же куда-то торопишься... Опоздал? Абсолютно и необратимо.

Он обернулся и снова вздохнул, окинув ее уставшим взглядом.

– Не бери в голову.

Она тоже посмотрела на краешек торчащей папки, потом оценила его строгий в этом костюме вид.

– Я же говорила, что мы сами, на такси. Не надо было, Артур.

– А я сказал, что уже не важно.

На заднем сидении закопалась Валюша. Подняла на них сонные глаза и сладко потянулась.

– Мы что, уже приехали?

– Да. Видишь, вот наш дом, – Аглая смахнула с запотевшего стекла влагу и указала пальцем на подъезд.

– Я есть хочу.

– Сейчас мама что-нибудь быстро для тебя приготовит.

– А для меня? – спросил Вишневский. Черт знает зачем, он и есть-то не хотел. Вырвалось само собой.

Она посмотрела на него не скрывая во взгляде тот же немой вопрос: "и зачем?".

– Ну а что, – продолжил он, решив, что посмотреть как они живут ему очень интересно. И вообще необходимо, все-таки там обитает его дочь. Чем не легальный повод попасть на закрытую территорию? – Я, между прочим, тоже голодный.

– Не думаю, что мои блюда тебя впечатлят.

– Если ты готовишь как твоя мать, то очень даже.

– Ты шутишь сейчас?

– Да нет, почему же, я абсолютно серьезен.

– Мам, а давай его покормим, – серьезно вмешалась в беседу Валюша, и Вишневский не смог сдержать смех – редко-го в его перечне эмоций гостя. Покормим, как заблудившегося кота. Хотя он по сути им и был, наверное. Заблудший нагулявшийся кот, который устал от сытой жизни.

– Ну давай покормим, – тоже едва скрывая улыбку вдруг согласилась Веснушка.

Решено. Вишневский выбрался из машины и, втянув голову в плечи, спасаясь от моросящего дождя, вместе с ними

забежал под козырек подъезда.

Часть 10

Квартира их оказалась хоть и довольно уютной, но катастрофически маленькой. Все такое тесное, узкое, неудобное. Зайдя в ванную помыть руки он там едва поместился, потому что со всех сторон подпирали стиральная машина, корзина для белья, раковина. Ад клаустрофоба.

Конечно, он был наслышан о "прелестях" типовых хрущевок, но бывать в них до этого дня не доводилось. Всего две комнатки, прихожая, кухня, ванная, совмещенная с санузлом...

– Тут мои игрушки, смотри, – потянула его за руку Валюша, затаскивая в маленькую комнату. – Это Лева, а это Пелёнок.

– Пелёнок?

– Так его зовут, – она взяла из корзины маленького белого мишку и сразу же включилась в игру: принялась с ним возиться и даже разговаривать, словно тот что-то понимал. Потом этого ей показалось мало и она вытряхнула на пол ворох разнообразных игрушек – он лохматых и полностью раздетых кукол Барби, до пластикового набора инструментов.

Вишневский поднял немного погрызанный молоток, потом гаечный ключ.

– Так она девочка или все-таки мальчик? – пошутил, обер-

нувшись на Веснушку, что сложив руки на груди наблюдала за ними в дверном проеме.

– Когда в доме нет мужчины, гвозди приходится забивать самим. Да, Валюш? – подмигнула дочери, а потом перевела взгляд на Вишневого: – Мне приготовить там надо, а ты можешь... не знаю... хочешь, я включу тебе телевизор.

– Я пока здесь побуду, если можно.

Ответила она не сразу, подумав.

– Хорошо. Только...

По ее взгляду он все сразу понял. "Только ни слова ей!"

– Я понял.

Она с облегчением выдохнула, но основное напряжение все равно никуда не делось.

– Валюш, побудешь здесь с дядей, хорошо? Я буду на кухне.

Девочка кивнула и снова с головой погрузилась в игры.

– "Смотри не ляпни тут чего-нибудь!" – предупредил перед уходом ее строгий взгляд.

– "Разберемся!" – так же мысленно ответил он.

Когда она скрылась на кухне, почти сразу раздался шум воды, звон посуды и щебет радио. Звуки кухни, которых в своей жизни он в общем-то и не слышал.

На его памяти мать никогда не готовила сама, за нее это делала Галина и обычно он спускался в столовую когда стол уже был накрыт. Поэтому сейчас, улавливая настолько домашние звуки ему стало даже немного не по себе, словно он

вероломно вторгся без спроса в чужую жизнь.

Жизнь, в которой его не ждали.

Или наоборот?

Он опустился в кресло и, сцепив пальцы рук, осмотрел комнатку оклееную веселенькими обоями. Бежевые занавески, горстка цветных карандашей и фломастеров без колпачков на столе и разрисованный непонятно чем альбом...

Здесь все эти годы жила его дочь.

Не то, чтобы они нуждались, но и не шикавали однозначно. И от этого он испытывал неоднозначные чувства.

Они могли бы жить совсем-совсем иначе, не будь она настолько упертой!

Он никогда не думал о том, что у него будут дети, точнее, не размышлял об этом в серьезном ключе. Не визуализировал, не придумал им имена, не фантазировал, на кого они будут похожи. Дети были для него чем-то... иллюзорным. Где-то они безусловно есть, но не у него.

И вот у него теперь есть дочь. Маленькая девочка с серьезным взглядом, которая размышляет совсем как взрослая. Которая в свои годы уже умеет за себя постоять.

Чего только стоит тот ее водяной пистолет!

Поднявшись, он подошел к комоду и взял в руки рамку-коллаж с фотографиями. С десятков мелких карточек, красочно рассказывающих о том, как же они жили все эти четыре года.

Вот Веснушка, слегка осунувшаяся и бледная, но все-та-

ки счастливая, держит в руках розовый сверток возле дверей перинатального центра. Вот она же с коляской, а на следующей держит на руках маленькую дочь, из хохочущего рта которой торчат два нижних зуба.

Она жила и справлялась без него, явно же было трудно, материально наверняка.

Почему нельзя было просто позвонить и все рассказать? Почему?

Он не был настроен агрессивно, может, унылая погода повлияла или он просто устал, но расспросить ее обо всем хотелось. Тем более она вроде бы тоже убрала свои колючки. Отличный момент.

Поставив рамку на место, он вышел из комнаты и пошел на звуки, доносившиеся из кухни.

Она колдовала над разделочной доской, нарезая овощи и не увидела, как он вошел, что дало ему время просто посмотреть на нее не привлекая к себе внимания.

Скучал ли он по ней все эти годы? Он сам не понял, почему вдруг подумал об этом. И понял, что вопрос был поставлен не совсем верно. Скучают, наверное, немного при иных обстоятельствах долгого расставания. Уж точно не как у них. Не когда тебя цинично кинули, сказав, что "мечта сбылась". Быть мечтой неплохо, но точно не такого рода.

Скажем так: он болел. Болел, не видя ее. Всеми нейронами своего, без преувеличения – острого ума, пытался избавиться от навязчивых мыслей. И это получилось, конечно.

Не сразу, но ему удалось отпустить то, что было. Удалось найти компромисс с собственным эго. Но где-то там, в глубине его циничной души, для нее было отведено особое место, куда он никого не пускал.

С ней у него все было "особое", начиная с момента знакомства и момента, когда он ее увидел. Не просто как человека, не соседку Веснушку, а женщину.

У них не было свиданий, не было вот этого мужского "вау" при взглядах на нее. Какие "вау" если она буквально росла на его глазах и вообще была не в его притязательном вкусе. Но он хорошо помнил, как в какой-то момент все изменилось. Как неожиданно она внедрилась в его мысли, и он словно сошел с ума. Действительно ощущал себя чокнутым, потому что не мог думать ни о ком другом.

Цели затащить ее в свою постель у него не было, наоборот, он категорически исключал этот факт. Но не потому что она его не привлекала, скорее наоборот. Он действительно словно помешался и в один момент пересек черту... и сразу понял, что ему мало. Что хочет еще. Он даже готов был забрать ее с собой в Америку, а потом ее, влюбленную в него по уши вчерашнюю школьницу, словно подменили...

– Ты здесь? – обернулась она и, кажется, смутилась. – Я не слышала, как ты подошел. Как там Валюша?

– Она играет в какую-то жуткую куклу с большой головой.

– Надеюсь, ты ничего ей не сказал? – в голосе проскользнула тревога.

– Например?

– Ты сам все понимаешь.

Он протиснулся на кухню и опустился напротив нее на диван кухонного уголка. Сцепил пальцы в замок, наблюдая, как подрагивает в ее руках нож.

– Нет, я ничего ей не сказал.

Она сжала губы и скупно кивнула, склонившись над доской так, чтобы он не видел ее лица. Она волновалась, он видел это и понимал абсолютно четко. Да и сам он не чувствовал себя совершенно уверенным, что было ему несвойственно.

Слушая размеренный стук ножа, он осмотрел кухню: маленькая, тесная, с дешевым кухонным гарнитуром из шпона и сдержанной расцветки занавесками на окне. Но что больше всего его поразило, это абсолютная чистота. Ни крошки, ни пятнышка, ни оставленной где-то на подоконнике кружки с забытым пакетиком чая. Именно такой он ее и помнил: аккуратная, чистая, не страдающая вещизмом. Только раньше она точно была более открытой.

– Почему ты переехала именно сюда?

Она подняла на него взгляд и, столкнувшись с айсбергом его внимательных глаз, снова опустила.

– Потому что этот дом в шаговой доступности от детского сада и моей работы.

– Здесь не самый лучший район.

– Нам нравится.

– Я думаю, вам нужно переехать отсюда куда-то в более

подходящее место.

Она прекратила резать редис и снова окинула его настороженным взглядом.

– Это еще почему?

– Потому что урна возле дома забита пустыми бутылками! Здесь небезопасно. Как вообще ребенку можно расти в подобных условиях?

– У нас нормальные условия и я никуда не собираюсь переезжать.

– Все расходы я беру на себя. Подыщем хорошую просторную квартиру, частный детский сад с нормальной охраной и...

– Нам. Нравится. Здесь, – чеканя каждое слово, отрезала она. – И мы никуда отсюда не уедем. С чего ты вообще решил, что я хочу что-то менять в своей жизни? Не хочу, меня все устраивает.

– Да почему ты такая упертая? – сам от себя того не ожидая, взорвался он. – Я пытаюсь, изо всех сил пытаюсь по-хорошему, но ты делаешь невозможное, чтобы все испортить! Я просто хочу принять какое-то участие, помочь.

– А кто тебе сказал, что мы нуждаемся в помощи? Я хорошо зарабатываю, и нам ничего от тебя не нужно! – гордо вскинув подбородок, она взяла доску и одним взмахом ножа скинула овощи в большой прозрачный салатник. – К тому же я уверена, что тебе есть на кого потратить свои деньги.

– И о ком это?

– Ни о ком, – отвернувшись, перемешивая что-то скворчащее в маленькой сковородке. Он не понял о чем речь, но тему развивать больше не захотел. Вздохнул, ощутив, что запарился. Причем во всех смыслах.

Стянув пиджак, стоимостью как четыре ее кухонных гарнитура, небрежно бросил на свободный табурет. Расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке.

Она, орудуя деревянной лопаткой, косо проследила за его манипуляциями.

– И что теперь будет? – задала неожиданный вопрос.

Он поднял на нее рассеянный взгляд.

– Ты это о чем?

– Ну, пиджак, портфель с документами... Это было очень важно?

Перспектива работать в Сколково? Нет, что ты.

– Разберусь.

Ему показалось, что она хотела спросить что-то еще, но будто передумала. Выключив под сковородой огонь (он готов был поклясться, что не видел таких плит тысячу лет!), открыла навесной шкаф и потянулась чтобы достать тарелки. Но то ли она сильно волновалась и не следила за движениями, то ли агрегат для хранения посуды стоял неудобно, но хромированная стойка была задета и штук пять-шесть тяжелых стеклянных крышек поехали набок, грозясь обрушиться на пол горой осколков.

Реакции Вишневого позавидовал бы даже спринтер: он

резко подорвался с места и успел перехватить бандуру ровно за секунду до катастрофы.

— Я так и знала, что когда-нибудь это наверняка произойдет! — взволнованно охнула она, явно чувствуя себя неловко от такой его вопиющей близости.

А он действительно был непростительно близок: стоял позади, тесно прижавшись к ее спине. Он ощущал, как упираются в его грудь ее острые лопатки, и кое-кто пониже — прямо в пах.

Эй, это запретный прием, мы так не договаривались!

Секса у него не было ну недели полторы. Не много, да, но и не так мало, чтобы организм молниеносно не отреагировал на не намеренную провокацию.

Отреагировал так, как и положено реагировать организму молодого мужчины в его здоровые двадцать семь.

Сейчас, находясь так близко, ощущая ее запах, ее тело, он вспомнил. Вспомнил все. И от этого почувствовал еще больший разгон тестостерона. Тот мчался по венам, спеша в сконцентрироваться в стратегически важном месте. И кажется, та прыть, с какой его организм принялся качать топливо мужского либидо, ее даже испугала.

Она обернулась на него, изо всех сил пытаясь скрыть во взгляде то ли удивление, то ли возмущение, а он, в свойственной ему манере, даже ухом не повел, не отойдя при этом ни на шаг. И порадовался, что люди не умеют читать чужие мысли, потому что думал он сейчас о том, что давно

уже не хотел заняться сексом так неожиданно и так остро. По-взрывному.

Он вдруг явственно представил как смахивает со стола все эти нелепые солонки и приподняв ее за бедра...

– Ма-ам, я есть хочу, – раздалось где-то совсем возле двери.

Она резко вздрогнула и, облизав пересохшие вдруг губы, не сводя взгляда с Вишневого проговорила наигранно бодро:

– Конечно, иди сюда, я уже все приготовила.

Валюша прошлепала на кухню и, подойдя к столу, забралась на растущий стул, усадив рядом свою игрушку. По очереди посмотрела на испуганную маму, на дядю со странным выражением лица.

– А ты будешь есть с нами? – серьезно спросила у Вишневого, и тот кивнул, не отрывая взгляд от застигнутой врасплох бывшей.

– Конечно. Я очень голодный.

Аглая опустила глаза и абсолютно точно покраснела.

Сцена, что только что произошла между ними в его планы не входила, он не планировал ее соблазнять, не собирался посягать на ее честь и уж точно не думал делать что-то силой. Но теперь вдруг явственно понял, что если бы ребенка не было дома, то вечер определенно получился бы томным.

Часть 11

Ужин оказался простым и действительно вкусным, ничего особенного: паста с каким-то домашним мясным соусом, салат из овощей. Вишневский орудовал вилкой и искоса поглядывал на свою дочь, которая копалась в салатнице, выковыривая кольца редиса. Потом взглянул в свою тарелку, где в стороне гордо высилась розовато-белая горка. Улыбнулся.

– Тоже не любишь редис?

– Фу, нет. Он горький.

– Зато полезный, – тоном строгой, но справедливой учительницы, вмешалась в беседу Аглая. – Ешь, – а потом Артуру: – И ты тоже.

На нее он поглядывал так же, пытаясь понять, как себя ощущает в этот момент. Что чувствует. А чувствовал он что-то определенно.

Он вдруг понял, что ему даже как-то уютно находиться здесь, в их этой маленькой съемной квартире. Не хочется никуда спешить, думать о работе. Ничего не хочется, хочется просто смотреть как его маленькая дочь копается в салатнице и, морща нос, вынимает редис. Здесь и сейчас, в эту самую минуту.

Стареешь ты Дзен, что ли.

Неожиданно сытое течение его мыслей прервал звонок в

дверь. Маленькая компания одновременно оторвалась от поедания ужина: Вишневский цепко взглянул на Аглаю, она – растерянно – на кухонную дверь, ведущую в коридор.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет, – но тем не менее из-за стола выбралась. – Сейчас узнаем.

Он понятия не имел, какой у нее круг общения, есть ли здесь подруги или это забежала соседка. Вернее... Сосед.

Да долбаный ты Валя!

Ну чего тебе дома не сидится, а?

– Привет. А я домой шел, смотрю, у вас свет на кухне горит, – пробасил он, явно войдя уже в прихожую. – Не занята?

– Нет, я... – обернулась, наткнувшись на взгляд Вишневого: он уже стоял в проеме, разделяющем прихожую и кухню. Стоял, сложив руки на груди, совершенно не собираясь скрывать своего настроения.

А настроен он был... ну не дружелюбно.

Его бесил этот мужик. Чувствовал он, что что-то с ним не то. Да, можно было бы списать все на элементарную ревность или чувство собственности, но помимо этого интуиция, или иначе говоря – мужская чуйка подсказывала ему, что добродушный сосед явно не тот, кем хочет казаться.

И сейчас, поймав его злой взгляд, еще раз убедился в своих предположениях.

– А мы тут ужинали, – вмешалась в молчаливый баттл двух самцов Веснушка. – Ты голоден? Мы можем...

– Он не голоден, – грубо ответил за него Вишневский и, забив на оставленный на кухне пиджак, двинулся к выходу. А потом обернулся: – Вы идите, нам с твоим соседом поговорить надо.

– Артур! – метнула на него злой взгляд Аглая. – Здесь ребенок!

– Поэтому мы выйдем, – взглянул на Валентина и кивнул тому на дверь, намекая, чтобы тот выметался.

Он не собирался с ним драться, нет, но задать вопрос какого черта тому здесь нужно, задать был обязан.

На лестничной клетке было темно и прохладно: в открытое окно дул ветер, забрасывая на серый бетон редкие дождевые капли. В такую погоду торчать здесь не хотелось, а хотелось обратно, в тепло. Принесла же нелегкая дядю Валу.

Тот, к слову, выглядел неважно – нос опух, под глазами два фонаря.

– Снова здесь ошиваешься? – задал первым вопрос он. Бессмертный он, что ли? Или совсем дурак?

Нет, Артур не считал себя Халком, который в два счета размажет кого угодно по стене, но ведь уже получил однажды и снова нарывается. Как это называется? Правильно – скудность ума. Или по-простому – тупость.

– То же самое я хотел спросить у тебя.

– Я пришел к девушке, которая мне нравится.

– А я пришел к своей дочери. И женщине, которая тоже моя.

– С хрена ли! – возмутился Валентин. – Ты кинул их когда-то!

– Не их, а ее, и не кинул, а... – осекся. И чего это он вдруг словно оправдывается. Да еще перед кем. – В общем, не надо сюда ходить, Валя. Вот просто не надо.

– С чего ты взял, что я слушать тебя буду? – водянистые глаза зло прищурились. – Может, у нее спросим, кого она больше видеть хочет?

– Она меня хочет, а ты... Короче, иди к себе и сюда дорогу забудь.

– Послушай сюда, интеллигент, – боров подошел ближе и обдал лицо Вишневого не слишком свежим дыханием. – У меня были на нее свои планы, и ты в них не входишь, ясно?

Планы? Что за чушь он вообще несет?

Чуйка его все-таки не подвела – мудак задумал что-то недоброе. Только вот что? Молодая девушка, да, симпатичная, но с ребенком, то есть лишняя ответственность. И ладно бы позарился на московскую прописку, но ведь у нее и квартиры-то своей нет. Тогда зачем она ему?

Вишневский был хорошо воспитан и с быдло общаться не привык. Но с некоторыми людьми лучше говорить на их языке.

– А теперь ты послушай сюда, – поменял тон. – Сейчас ты свалишь к себе, в свою нору, и больше никогда не переступишь порог этого дома. Не свалишь сам, я тебе помогу, поверь.

– Не тебе решать, куда и когда мне сваливать!

Вишневский сегодня очень устал. Он не выспался, у него сорвалось важное собеседование, в его голове и жизни образовался полный хаос. И сейчас он очень сильно захотел избавиться от раздражителя не слишком цивилизованным способом.

Кулаки так и чесались спустить ублюдка с лестницы. Но он не хотел снова все испортить, как уже было однажды, поэтому дал себе и ему последний шанс:

– Что за планы?

– Ты о чем?

– У тебя на нее.

– Тебя они не касаются. Ты все равно рано или поздно уедешь к себе домой, а я останусь... Вон моя дверь, – с видом победителя кивнул себе за спину. – Прямо возле ее двери. А где будешь в это время ты?

Вишневского бесило то, что он прав – как ни крути, эта туша сейчас для них ближе, пусть по сути и являясь никем. Ведь он их не "бросал", он был "рядом" и таскал свои дерьмовые пирожные его дочери, в то время как родной отец ее как бы кинул. Что абсолютно не имело ничего общего с действительностью!

Да, конечно, он и Веснушка не вместе и она имеет полное право встречаться с кем угодно...

Хотя какого это черта?!

И жить по-соседству с этим ублюдком она больше не бу-

дет! Просто потому что... потому что он так решил. И плевать, какие там у этого кретина "планы".

– Поужинаешь дома.

Захлопнув дверь прямо перед носом недоумевающего "соседа", Артур вошел обратно в тесную прихожую. А оттуда и до кухни рукой подать.

Аглая сидела за столом с такой ровной спиной, будто палку проглотила. И смотрела на него внимательно, не скрывая тревоги.

– И что? Поговорили?

– Поговорили.

– И... о чем?

– Собирайтесь. Мы переезжаем ко мне.

Второй раз в жизни он принял спонтанное решение. Насколько быстрое, что сам не понял, как это произошло. Первый, когда собрался забрать Веснушку с собой в Америку – тогда он тоже не раздумывал, просто решил и все. Правда, из этого в итоге ничего не получилось.

Но он сейчас не сомневался в успехе. Как потом вышло, самонадеянно...

– В смысле "к тебе"? – переспросила она, не понимая, к чему он клонит. – Зачем?

– А тебе нравится жить здесь?

– Да, нравится! Нравится, Артур, представь себе. А что не так с этой квартирой?

– Да с ней все не так, это же... это же, блин, дыра! Ну ты

сама посмотри, похоже на дом твоей мечты?

Опрометчиво. Она сразу же оскорбилась: задрала подбородок и с решительным видом собрала в стопку его тарелки, прямо с недоеденным ужином.

– Ну куда уж нам с Америкой и ее пентхаусами тягаться, – открыв дверцу моечного шкафа, резко выбросила остатки еды в мусорку.

– Я не то хотел сказать...

– Да нет, – обернулась, не скрывая во взгляде разочарование. – Ты хотел сказать именно то. А знаешь, что самое смешное? Я не удивлена, ты совсем не изменился.

Полив губку густым средством для мытья посуды, отвернулась и с преувеличенным рвением принялась намыливать тарелки.

Убедившись, что Валюши нет поблизости, Вишневский вошел на кухню и прикрыл за собой дверь. Дальнейший разговор не для детских ушей.

– Прекращай, – подошел к ней ближе. – Ну почему мы вечно кусаемся?

– Может, потому что иначе с тобой нельзя?

– Или с тобой.

– Да что тебе нужно от нас? – швырнула губку в раковину, обдав и себя и стену напротив хлопьями белой пены. – Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы вы съехали отсюда, я же сказал.

– И куда?

– Ко мне.

– К тебе? – улыбнулась, обнажив ряд белых зубов. – Ты серьезно? Домой к твоим родителям?

– Я только вернулся из Америки и тебе это прекрасно известно. Но я уже присматриваю для себя жилье.

– Значит, все-таки "для себя"?

– Не цепляйся к словам, Бога ради! – психанул, что было ему совсем несвойственно. Такие сильные эмоции он вообще испытывал рядом только с одним человеком – с ней. С ней всегда было сложно. Всегда какие-то "но". Он терпеть не мог себя, теряющего контроль, но рядом с ней он его именно терял. Становился несдержанным, совершал какие-то странные несвойственные ему поступки. Он ревновал ее, когда казалось бы на ревность в принципе был не способен.

Невозможная женщина, просто невозможная! Самая несносная в его жизни.

Но парадокс заключался в том, именно в такие моменты он чувствовал, что живет.

Что вот именно чего-то такого ему, наверное, и не хватало.

– Не хочешь ко мне, давай я подберу для вас что-то.

– Что-то?

– Что-то приличное. Что-то такое, где не будет ванной размером со спичечный коробок.

– Нам и такой хватает.

– Да почему ты такая упертая? – еще одна вспышка. Не агрессии, нет – внутреннего эмоционального броска, что заставило качать адреналин с утроенной скоростью. – Почему тебе вечно нужно делать все наперекор? Почему? Почему просто не принять помощь? Я в состоянии сделать вашу жизнь лучше. Новая квартира, хороший частный детский сад, потом школа.

– Нам не нужна твоя помощь, мы справлялись всегда сами, справимся и сейчас. Между прочим, я практически накопила на собственную квартиру! – и как гордо это прозвучало. – Да, не все сама – мама отдала мне большую часть накоплений, но и я внесла свою лепту. Еще немного и мне хватит на то, чтобы приобрести собственные метры!

– И сколько? Двадцать пять?

– Зато мои! И я никому не буду за них должна. Ни от кого не буду зависеть!

Что-то в его мозгах шевельнулось при упоминании ею покупки собственного жилья, начала выстраиваться какая-то логическая цепочка. Что-то важное крылось в этих словах, но сейчас, в эмоциях, он просто не нашел времени подумать об этом лучше.

Потом, спустя время, он пожалеет о том, что не догадался сразу, ведь это помогло бы избежать многих печальных последствий. Но это будет потом, сейчас же он переключился на другое:

– Мне нравится твоя независимость, но сейчас не тот слу-

чай. Я не буду приезжать к своей дочери в дом, стены которого оплеваны и еще что похуже.

– Можешь не приезжать, – упрямо дернула плечом и вернулась к грязной посуде. – Если ты не понял, нам ничего от тебя не нужно.

– Да какого черта? – схватил ее за локоть и заставил снова посмотреть на себя. – Ты ведешь себя так, будто я когда-то тебя кинул!

– А это не так?

– Насколько я помню – нет.

– Какая избирательная у тебя память. Только я вот помню совсем другое.

Сейчас она была очень красивой – немного лохматой, с пылающим взглядом и кожей. Ему до ломоты захотелось ее поцеловать. Прямо сейчас, в этот совершенно неподходящий момент. Когда оба на взводе, среди грязных тарелок. За это можно здорово огрести.

Да и пусть.

И он ее поцеловал.

Просто положил ладонь на ее затылок, притянул к себе и поцеловал. Раздраженно, показательно агрессивно. Сначала. А потом... Это они. Ее губы. Он вспомнил их. Вспомнил все. И вдруг так резко стало мало одних поцелуев. И была бы его воля, он бы не церемонился ни одной секунды. Как не церемонился никогда. Умри, но получи свое.

Рука, совершенно автономно работающая в этот момент,

со снайперской точностью сама поползла вниз, под подол ее то ли платья, то ли юбки. В голове вспыхнула мысль, что средств контрацепции у него с собой нет, потому что соби-рался он в Сколково, а не в эротическое приключение. А по-том мелькнуло осознание, что в доме, вообще-то, ребенок за стеной в соседней комнате.

Здесь толстые стены? Вряд ли.

Внезапный всплеск теплой воды заставил его прийти в се-бя и открыть глаза, посмотреть вниз – носки были в хлопьях пены.

– Раковина... – как-то тягуче проронила она, тоже едва разлепляя веки.

– Что?

– Раковина забилась...

– Да и черт с ней.

Хлопком ладони по рычагу он не глядя перекрыл бьющий поток и вернулся к тому, с чего начал. И на чем закончил.

Он вдруг понял, чем она притянула его тогда. Уж точно не своей необычной внешностью, интеллектом и своим "янета-кая", было в ней что-то особенное, что-то, что заставляло его мужское буквально выть перед ее женским. Феромоны ли, или какие-то иные гормоны радости, но его либидо было совершенно точно настроено под ее.

Он ее чувствовал.

Ему нравился запах ее волос, ее кожа, ее губы. Он не про-сто брал это все, потому что в природе мужчины заложено –

братъ, он наслаждался тем, что делает.

А уж как наслаждалась она... Ее удовольствие как отдельный вид его удовольствия. Никогда он не видел чтобы кто-то настолько таял от его поцелуев. Чтобы кто-то настолько преображался в его руках.

Она любила его и любит до сих пор, вне всяких сомнений. И ее такая безусловная любовь, любовь гордая, не на коленях, длящаяся уже кучу лет, тоже делала ее особенной в его глазах.

– Могу не приезжать, говоришь, – нашел в себе силы прошептать в ее губы. – Уверена?

– Абсолютно, – а сама сильнее вцепилась в его спину, приближая.

Это была самая долгая прелюдия в его жизни. Даже в подростковом возрасте он не тратил столько времени на поцелуи без продолжения. Но сейчас, на удивление, он даже получал какое-то извращенное наслаждение от того, что давно уже все можно, но пока ничего нельзя.

– Скучала по мне? – пропустил пальцы сквозь ее спутанные волосы. А потом вовсе дал рукам немного больше воли, потому что не касаться ее сейчас было выше его сил. – Думала же хоть иногда?

– Совсем нет.

– Вообще?

– Ни разу.

Он улыбнулся, ощущая в поцелуях ее улыбку.

Носки полностью промокли, до щиколоток, но на этот факт было плевать. Как и на то, что буквально под носом лежала гора недомытой посуды, а за стеной играла незатейливая песенка из детского мультфильма.

Все, что происходило сейчас, ему нравилось. И казалось таким правильным.

Наверное, ради этого стоило похерить то совещание, пусть катится.

Ему нужна она. Сейчас. Срочно. Все остальное потом.

– А может, закроемся в ванной или твоей спальне и...

– Абсолютное нет! – предугадала она, что именно он хотел предложить.

Это были странные, лишённые всякого смысла реплики в поцелуях. Брошенные слова, чтобы совсем не терять голову, чтобы вытеснить неуместные сейчас фантазии.

– А вот я скучал, – и это была абсолютная правда. Теперь он это понял.

Она, не открывая глаз, провела ладонью по его спине, плечам, собрала в кулак темные жесткие волосы на его затылке. Словно пытаясь впитать его в себя, насладиться, изучить заново... или просто вспомнить.

– Ты теперь лезь в уши, чтобы затащить кого-то в постель? Мельчаешь, Вишневский.

Он снова улыбнулся и живо представил в своей постели ее. Или в ее постели себя...

Ну не прогонит же она его в дождливую ночь, правда?

Часть 12

Она нравилась ему. Нравилась на каком-то глубинном уровне. Эти два парня – мозг и что пониже, сейчас были солидарны друг с другом как никогда. Просто завидная гармония.

Хорошо, что он опоздал. Плохо, что они не одни...

Звук звонка из заднего кармана брюк он даже не сразу услышал, а услышав, забил. Но звонки продолжались и продолжались, и когда уже стали раздражающе навязчивыми, он все-таки достал, матерясь про себя, телефон. Взглянул на дисплей.

Атрофированные участки мозга начали оживать один за другим, как подснежники по весне.

Джессика. Его как бы "законная" девушка. Ведь уезжая они не расстались.

Твою мать! Твою же ты мать, а! Ну почему сейчас?

Но было уже поздно...

– Это она, да? – кивнула на телефон в его руках вмиг похолодевшая Веснушка. Только она умела так закрываться, за какую-то наносекунду. В буквальном смысле выползла из-под его тела и прижимающей сзади столешницы. – Ответь, она же волнуется.

– Это не срочно.

Но она уже, открыв дверь, скрылась в ванной, чтобы, гре-

мя тазами, искать половую тряпку...

Поезд ушел. Финита ля комедия.

Ночью сон к Вишневскому почему-то не шел. Обычно как – только до подушки и моментально вырубился, а теперь нет. Он лежал, смотрел на мутные звезды через огромное окно спальни, где прошло его детство, и думал. И так сильно его сегодняшние мысли в этой же самой постели отличались от мыслей прошлых беззаботных лет.

Он думал о том, что произошло. Думал о своей дочери. О Веснушке.

Копался в себе, размышляя, чего он хочет.

В кровать свою это строптивое пламя хочет определенно, а в жизнь? Даже не так – хочет ли этого она.

Он никогда не делил с кем-то свои метры, это не было принципиальной позицией, но как-то было без надобности. А теперь вдруг подумал, что, наверное, проснуться с ней ему точно бы понравилось.

Прокопавшись до рассвета, в шесть утра он спустился вниз и выпил в полном одиночестве на веранде чашку кофе. Потом сделал пару кругов брасом в еще холодной воде бассейна. А потом... собрался и поехал в автосалон.

Нужно было с чего-то начинать.

– На сегодняшний день это, пожалуй, лучший семейный минивен, только посмотрите, какой просторный, функцио-

нальный и вместительный салон, интеллектуальная система управления, полный пакет сервисного обслуживания на два года и пять литров моторного масла в подарок.

Вишневский бросил на продавца косой взгляд "ты это серьезно сейчас про масло?" и заглянул в салон. Открыл дверь черного Chrysler Pacifica, опустился на водительское кресло, потрогал кожаную обшивку руля.

После маленькой и юркой Феррари эта бандура показалась ему неприлично огромной.

Минивен и он... ну кто бы подумать мог.

– Ну что, берете? – в окне показалось круглое лицо продавца. – Могу показать другую модель: Mercedes-Benz V-класса. Думаю, название уже говорит само за себя...

– Нет, не нужно. Пусть будет эта.

Выбравшись из салона, нашел в кармане бумажник и направился к кассе. Довольный продавец семенил следом, в сотый раз расхваливая уже перечисленные ранее качества.

– Если не устраивает цвет обивки сидений, могу предложить вам кожаные чехлы на выбор.

– Меня все устраивает.

– Также можно поменять...

– Спасибо, но нет.

– У нас очень богатый выбор...

– Ничего не нужно. А впрочем, – резко притормозив, обернулся Артур. – Юрий, да?

– Да.

– Кое-что мне все-таки надо – детское автомобильное кресло.

– Для мальчика или девочки?

– Девочка, – и добавил. – Дочь.

И почему-то именно сейчас, в автосалоне, покупая семейный минивен, он впервые ощутил себя отцом.

Вообще, о встрече сегодня с Веснушкой и Валюшей он не договаривался. Вчера они разошлись так себе: после звонка Джессики Аглая абсолютно закрылась. Протирала пол, мыла посуду, убирала со стола и даже размахивала веником – в общем, делала все, лишь бы минимизировать с ним контакт даже взглядом. Будто это не они только что целовались и лапали друг друга словно две малолетки на заднем дворе школы.

Разговор с Джессикой вышел рваным, но она была настолько милой, что он даже ощутил некую вину за свое скотское поведение. Она же не виновата в том, что он перегорел. И что вообще никогда не мог дать ей того, чего она хотела – она тоже не виновата.

Она хотела за него замуж, это он знал. С присущей всем американцам открытостью она свободно говорила на эту тему, но, как и все женщины, ждала от него первого шага. Совершенно безосновательно. Потому что повода думать о том, что у них что-то выгорит в далеком будущем, он никогда ей не давал.

Он просто спал с ней, возил по ресторанам, покупал различные побрякушки и на этом, собственно, все. Но он видел, как она смотрела на него – с обожанием. Восхищением... И надеждой. Она действительно хотела большего, а он просто уехал домой, к своим балалайкам и медведям, в суровую Россию.

– Я прилечу к тебе на уикенд, – щебетала она, а он, слушая ее вполуха, наблюдал из-за приоткрытой двери ванной, как усердно Аглая вытирает пол. – Надеюсь, ты меня ждешь?

Он не ждал. Но ведь вывалить на нее это все прямо сейчас вроде как не вовремя...

Решив, что наберет ее как-нибудь позже и все объяснит, он, прикрывшись важными делами, сбросил вызов. Сейчас ему важнее было объясниться с Веснушкой. Но с Веснушкой разговора тоже не склеилось – льды Антарктики и то теплее.

И он уехал домой.

А теперь вот решил навеститься к ним без приглашения: подъехал к детскому саду и терпеливо ждал, когда она придет забирать дочь.

Конечно, она просто прошла мимо и даже не догадалась, что эта черная большая машина теперь его. И выйдя из сада за руку с дочерью наверняка бы тоже пошла мимо, но он остановил ее, "посигналив" фарами.

– Привет, – улыбнулся, опустив стекло.

Светлая рубашка, темные очки – ни дать ни взять парижский денди.

– Привет, – первой отозвалась Валюша. В руках у нее был все тот же водяной пистолет, но настроена она была вполне себе дружелюбно: – Ты привез мне мишек?

– Мишек?..

– Мармеладных. С клубникой.

Чего не было, того не было... Так сразу включить заботливого по всем пунктам отца непросто.

Но в багажнике лежал большой белый заяц, купить которого он все-таки догадался.

– Ты что здесь делаешь? – спросила Аглая. Тон ее уже не был таким сухим как при вчерашнем прощании, скорее подчеркнуто вежливым. С нотками плохо прикрытой иронии и... радости. Да, она была рада его видеть. – Не помню, чтобы я тебя приглашала.

– А я сам приехал, все как обычно. Ты не рада?

– Нет.

– Да брось.

– Представь себе. Земля крутится вокруг солнца, а не вокруг тебя, Вишневский.

– Серьезно? Ну буду знать.

Ему определенно понравился тон беседы, все лучше чем огрызаться по-настоящему.

– Садитесь, – кивнул за спину, – прокатимся.

– И куда?

– Не знаю, куда-нибудь в парк. Дети же любят аттракционы? Ты любишь карусель? – спросил у Валюши. Та охотно

кивнула.

– Ты купил новую машину? – осматривая "монстра" заметила Аглая.

– Ну, в старой же мест всего два, – выбрался на улицу и открыл для них заднюю дверь. – Забирайся, кнопка.

– Я не кнопка, я Валюша!

– Детское кресло? – заглянула в салон Веснушка, явно оценив жест. – То есть, я так понимаю, отставать от нас ты не собираешься? – а это уже просто так, для порядка.

– Я свое решение уже озвучил.

Сняв с плеч Валюши рюкзак, Аглая усадила ее в новое кресло и пристегнула ремнем безопасности.

– Удобно тебе?

– Ага.

– Ну сиди здесь, мама будет неподалеку, – захлопнув дверь, обернулась на Артура: – Какой еще парк? На тебя это не похоже.

– Просто ты плохо меня знаешь.

– Да нет, как раз-таки наоборот, – обойдя капот машины, и не дожидаясь проявления галантности с его стороны в виде "открыть дверь и подать руку", забралась на соседнее с водительским кресло.

Вишневский понимал, что, в общем-то, не так уж она и не права – на него это действительно похоже мало. Но чувствовал, что должен сделать хоть что-то. Найти с ними контакт.

Но только ли ради дочери или ради ее матери в том числе?

Его тянуло к ней, безусловно, и вчерашняя сцена на кухне быстро дала это понять, но какие-то отношения... Она же... невозможная! Трудная, идейная, упертая!

И вдруг понял, что именно это его в ней и цепляет. Парадокс, но факт оставался фактом – он хочет сложностей и получает от них удовольствие.

Часть 13

Увы, дорога до парка не оказалась прекрасным приключением: как только они выехали из лабиринта спального района, сразу же встали в пробку, двигаясь в час по чайной ложке. Солнце нещадно палило в стекло, заставляя пассажиров нового Крайслера вариться в собственном соку, а включать кондиционер он не стал, ведь "в салоне ребенок и его продует".

Но не смотря на все эти мешающие комфорту мелочи, он все равно чувствовал себя... довольным.

– Как прошел день? – лениво удерживая руль, повернул голову на Аглаю. – Что нового на работе?

– Для начала было бы неплохо узнать, что там старого. И вообще, узнать, где я работаю.

– Логистическая компания "Консоль", пятидневная смена, с девяти до шести, обеденный перерыв с часу до двух. Оклад плюс премия, и санаторно-курортные, – перечислил он, довольный собой.

– Наводил справки, значит.

– Само собой.

Не то, чтобы ее это удивило, скорее, по выражению ее лица стало ясно, что она просто убедилась в том, о чем и так давно думала.

Вишневский не тот, кто пускает все на самотек.

– Ну так и как там?

Она обернулась на него, едва скрывая улыбку.

– Начальник не домогается, если ты об этом.

Он не сразу понял, к чему она это сказала, и смысл слов дошел чуть позже. Ну конечно, как его там звали?.. Нодар! Нодар из "Райской пыли". Когда-то она пыталась устроиться в тот клуб официанткой, и любвеобильный босс положил на нее глаз. Вишневский тогда, сам того не желая, стал свидетелем развернувшейся драмы и даже схлестнулся с ним раз, забирая ее конфискованный паспорт.

Тоже тепло улыбнулся, вспомнив уже далекое прошлое.

Тогда у них все только начиналось...

– У меня входит в привычку разбираться с твоими ухаже-рами.

– Боже, Нодар не был моим ухажером! – хохотнула она.

– А Валентин – да.

– Валентин просто друг. Но даже если и нет – тебя это касаться не должно.

И тут она совершенно права – не должно, но... касалось.

Вчера он окончательно понял, что не просто не хочет, чтобы его дочь называла какого-то левого мужика отцом, но также категорически не приемлет, чтобы и сама Аглая имела что-то общее с этим "соседом".

Хорошо, если не он, то кто? – задавал он себе вопрос, возвращаясь вчера вечером от них домой. Ведь рано или поздно она все равно кого-нибудь себе найдет – она молодая и

интересная. Не будет ли подобной ситуации с кем-то еще? И совершенно четко понял – будет.

Он просто не хочет, чтобы у нее кто-то появлялся. Вот так по-собственнически, совершенно нахально.

Он никогда не был ревнивым и вступая с кем-то в отношения не думал, а кто там был у этой девушки до него. Ему было все равно, не было лишних вопросов, ненужных размышлений. Да ничего не было. Он вступал в отношения и просто брал свое, потом легко отпускал. Но с ней... в голове так и крутилась мысль: а было ли у них что-то. И почему-то даже мысленно не хотел допускать, что да.

Он и она... ну не-ет.

– И близкий друг? – тормознув у светофора, не выдержал и проявил-таки не присущее ему любопытство. Повернул на нее голову, любясь особенно яркими в свете вечернего солнца веснушками. – Я о твоём соседе.

– Я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, но на всякий случай отвечу, что тебя это не касается тоже.

– Ну почему же, могла бы поделиться, – дождавшись зеленого, плавно тронулся. – Как с другом.

– Не припомню, чтобы мы когда-нибудь дружили.

– Да? А что помнишь?

Он смотрел на дорогу, обгоняя еле плетущуюся впереди машину, но совершенно точно знал, что сидящая рядом девушка слегка покраснела.

Она тоже думала о том, что между ними вчера произошло.

Думала. Не может быть иначе. И что бы там не происходило между этими двумя "соседями", она совершенно точно недолюблена и неудовлетворена.

Ее поцелуи были поцелуями голодной женщины, женщины, которая дорвалась до того, чего долго желала.

Хотелось бы ему думать, что такая реакция была вызвана исключительно его персоной, а не просто потому, что у нее давно не было хорошего секса.

Где Валентин и где хороший секс? Да даже думать об этом нелепо.

– Пригласишь сегодня на ужин после парка? – снова обернулся на нее, наслаждаясь реакцией – краска заливала ее щеки удивительно равномерно, выделяя веснушки еще ярче. – Мне понравился вчерашний...

– Артур!

– Я про салат.

– Ма-ам, мне жарко... – раздалось с заднего сидения, но маме в этот момент было слегка не до детских капризов. Она смотрела на нахального водителя, что бесцеремонно вторгался в ее личное пространство своими неуместными вопросами и явно двойственными намеками.

– Я бы предпочла сделать вид, что вчерашнего *салата*, – сделала акцент, – не было.

– Серьезно? А мне показалось, что наоборот – ты нарывалась на добавку.

– Тебе показалось!

– Ну тогда пригласи, в чем же проблема?

– Ма-ам!

– А проблема в том, что некоторые гости слишком навязчивы. И любопытны. А еще самоуверенны и бесцеремонны.

– Я всегда был таким. И тебя это абсолютно точно устранивало. Иначе бы не подсматривала за мной из окна на протяжении пяти лет.

– Да не просматривала я, что за чушь!

– Мама-а...

– Сейчас, милая, – бросила, не оборачиваясь. – Да, я была тобой увлечена, но не стоит путать желаемое с действительностью.

– Увлечена? – усмехнулся он, но уже не весело. – Ну-ну. Теперь это так, значит, называется.

– Мне было восемнадцать! Я только закончила школу. Ноль какого-либо опыта. Я верила людям и смотрела на мир сквозь розовые очки. Смотрела сквозь них на тебя, – ирония из ее голоса стала уходить – ее место стала занимать плохо скрытая женская обида. И даже наличие на заднем сидении дочери не стало препятствием к тому, чтобы окунуться в прошлое: – Я не понимала, что таким, как ты, верить нельзя.

– Таким, как я?

– Бессердечным циникам, которые запросто могут воспользоваться наивностью молоденькой дурочки! Которые сегодня говорят и делают одно, а уже завтра отправляют девочку варить борщи и валенки валять.

Что-то щелкнуло в его голове при этих словах, и навоящий вопрос мог бы все изменить, но именно в этот момент произошло то, что моментально заставило его забыть об этом разговоре и изменило планы на вечер...

С заднего сиденья раздался характерный звук человека, которого стошнило.

Веснушка охнула и резко обернулась, только сейчас до нее стало доходить, на что все это время пытался пожаловаться ребенок.

Лето. Жара. Московская пробка с ее постоянными "тро-нулся/встал". И выключенный кондиционер...

Отстегнув ремень, юркнула между сиденьями прямо на ходу и сразу же принялась искать в своей безразмерной сумке влажные салфетки.

– Прости, прости, пожалуйста, что мама тебя не слушала,
– причитала она, пытаясь хоть как-то убрать следы бедствия.
– Тебе лучше?

– Да...

– Точно?

– Точно.

– Животик не болит?

– Больше нет.

– Извини, – поймала Аглая в зеркале взволнованный взгляд Вишневого. – Ты же только купил новую машину, а мы тут...

– Не страшно. Все равно ее нужно было обновить. Как

Валюша?

– Уже нормально.

– Может, нужно в больницу?..

– Зачем? Ее просто укачало на жаре, только и всего. Тебя что, в детстве никогда не укачивало?

Укачивало, еще как, только он об этом благополучно забыл. Как и о многом, что происходит с детьми до совершеннолетнего возраста.

Он понятия не имел, как повести себя в данной ситуации и чувствовал себя непривычно беспомощным. Бог с ней, машиной, что делать с ребенком?

Он не знал, да, а Веснушка, хоть и выглядела виноватой, но действовала быстро и четко, за какие-то минуты устранив по мере сил результат бедствия. Но без профессиональной чистки салона все равно было никак, поэтому он распрощался с мыслью поехать в парк и свернул в сторону ближайшей автомойки...

Часть 14

Промыть салон такой махины дело не пяти минут, поэтому, оставив Крайслер, еще пока не воссоединившееся семейство двинулось в сторону небольшой забегаловки с фастфудом.

Признаться, Вишневский был не ходок по подобным заведениям, предпочитая ужинать в местах более презентабельных. Таких, где не приходилось раздумывать, из чего же сделана та самая котлета. Но сейчас выбор был невелик, да и название сети, известной на весь мир, более-менее внушало доверие.

Америка, откуда отвернулся совсем недавно, можно сказать выросла на его бургерах. Ничего, все живы.

– Ура, обожаю! – радовалась Валюша, с горящими глазами тыча пальчиком во все подряд на электронном экране с меню. В итоге помимо нескольких бургеров им принесли какие-то кольца в кляре, рыбные палочки, картофель-фри, салат, несколько упаковок с разными соусами, кучу напитков и мороженое.

Вернее... как принесли, Вишневский забирал это сам, толкаясь у табло с номерами заказов наравне с тинейджерами и забежавшими перекусить после работы офисными работниками.

Он, Вишневский. Который только получил степень магистра в лучшем учебном заведении США. Который ездит на машине с открытым верхом ценой в целую квартиру. И вот он здесь, ждет своей очереди у стойки заказов.

Удивительно, но неудобно он себя не чувствовал, наоборот, находил в этом всем некую прелесть.

Все бывает в первый раз.

– Валюша, не ешь столько много картошки! – пожурила Аглая ребенка и бросила виноватый взгляд на Артура. – А то нам еще домой обратно на машине ехать...

Они сидели за пластиковым столом у большого окна, с видом на ту самую автомойку. Вокруг сновали люди, протискивались мимо к своим столикам, то и дело задевая подносами принявшего на себя удар сидеть у прохода Вишневского.

– Ты правда не злишься, что пришлось мыть машину? – отпила Аглая кофе из большого пластикового стакана.

– Нет. Это же ребенок.

И мысленно добавил "мой".

Мой ребенок. Эти мысли крутились в его голове не переставая. Моя дочь.

Он смотрел, как она, вцепившись в булку обеими руками ест бургер, как, издавая характерные звуки, пьет через трубочку колу, как улыбается ему измазанным соусом ртом. Смотрел и пытался понять, что чувствует. Как себя ощущает в новом амплуа. И понимал, что никак не может нащупать "ту самую" ниточку, и от этого чувствовал себя каким-то

бракованным, что ли...

– Вообще, я против этого всего, конечно, – кивнула Веснушка на их "поляну", – не самая полезная для ребенка еда.

– А по-моему, ей нравится.

Разговор почему-то не клеился. Он так много готов был сказать ей в машине, и так мало шло в голову сейчас. А поговорить было нужно – открыто, не утаивая никаких претензий.

Он хотел спросить, почему же она в буквальном смысле послала его тогда, почему вдруг резко стала холодной. Что изменилось? Ведь чувства никуда не ушли, в этом он убедился. Тогда почему?

Ерунда какая-то.

Конечно, все, что набрали, они не съели, оставив на подносе половину заказанного. Зато ребенок был сыт и доволен, совершенно забыв о том, что совсем недавно ей было не слишком хорошо.

– Побудешь с ней минуту, ладно? Я быстро, – смущенно отчиталась Аглая и двинулась в сторону указателя WC.

Артур проводил ее долгим взглядом, а потом переключился на Валюшу: та изначально отказалась от детского стула и сидела на самом обыкновенном взрослом, чувствуя себя, судя по виду, именно таковой.

– Ты у мамы друг номер один, – жуя фри, серьезно сказала она, и бровь Вишневого удивленно взметнулась вверх.

– Серьезно? А кто номер два?

– Дядя Валя.

– А почему номер один именно я?

– Потому что мама сама так сказала, – и все это с таким видом: "какие же глупые вопросы вы, взрослые, иногда зададите". И только Артур собрался задать еще пару глупых наводящих, чтобы бессовестно выведать у ребенка мамины секреты, как Валюша уже потеряла к нему всяческий интерес – теперь она с горящим взглядом смотрела в окно. – Кошка!

– Где?

– Вон! – крошечный пальчик бесцеремонно указал куда-то в даль.

Вишневский посмотрел в нужном направлении и увидел сквозь стекло на улице рыжего лохматого кота.

Не раздумывая и секунды девочка сползла со стула и побежала к выходу, Артур глазом моргнуть не успел...

Побежала и, конечно, попалась под ноги здоровому детине, который нес перед собой полный полнос бигмаков и колы.

– Эй, какого хрена? – выругался бородатый переросток, чем напугал девочку – Валюша пулей отбежала назад, спрятавшись за ногу уже подорвавшегося с места Артура.

– Полегче с выражениями, это всего лишь маленький ребенок!

– Надо лучше следить за своими детьми! Я колой все бургеры залил, – психанул тот, ткнув в Вишневого подносом, с края которого лилась пенная коричневая жидкость. – Пла-

ти давай!

– Тон сбавь! Не видишь, ты ее пугаешь, – наклонился и, отцепив пальцы ребенка от своей штанины, неумело поднял Валюшу на руки.

Она плакала.

Не рыдала навзрыд, как он всегда считал капризничают дети, а плакала молча, совсем по-взрослому, хлюпая носом и скривив губы.

И что-то в этот момент в нем наконец-то перевернулось. Уже во второй раз. Первый – когда покупал детское кресло, и вот сейчас. Только теперь это чувство было гораздо мощнее, откуда-то из самой глубины души.

Его дочь плачет. Плачет из-за какого-то ублюдка с его сраной колой!

– Успокойся, ладно? Все хорошо, я с тобой. Тебя никто не тронет, – прошептал он, и Валюша, кивнув, обвила его шею тоненькими руками. Прижалась всем тельцем, выражая высшую степень детского доверия.

Еще один катарсис, который поднял внутри него цунами из разнообразных эмоций. Просто не передать словами, что он ощутил в этот момент. Это не сыграть, не надумать, не вымучить из себя, потому что "ты отец и так надо". Он на самом деле *почувствовал* себя отцом. И почувствовал, как начал звереть. Поднял набыченный взгляд на переростка напротив и неизвестно, чем ты все это в итоге закончилось, если бы не подбежала Аглая.

– Что здесь случилось?!! – испугано спросила она, вытирая влажные руки о штанину. – Валюш, ты почему плачешь?

– Этот дядя меня напуга-ал... – и, как на кошку ранее, ткнула пальцем на мужчину с подносом.

– Ваша дочь меня толкнула, и я разлил на еду напитки! – принялся жаловаться он, совсем как ровесник Валюши. – Я требую компенсации! Это все денег стоит, вообще-то!

Видит Бог, Вишневский едва сдержался. Удерживая на одной руке ребенка, а другой раздраженно достав из заднего кармана брюк бумажник, не глядя, вытащил пару купюр, явно в несколько раз превышающих стоимость заказа.

– Подавись ты уже своими бургерами, – бросил деньги на поднос и, развернувшись, кивнул Аглае: – Пошли отсюда.

– Давай, я ее понесу...

– Я сам, – и Артур, с Валюшей на руках, пошел к выходу из забегаловки.

Стараясь громко не топать, они поднимались в темноте по лестнице к съемной квартире Аглаи: Валюша уснула сразу же, как только села в вымытую машину и не проснулась, когда он аккуратно достал ее из детского кресла.

– И всегда она так крепко спит? – шепотом спросил он, пересекая очередной пролет.

– Всегда. До года спала крайне плохо, а теперь пушкой не разбудишь. Устает в детском саду за день, а сегодня еще столько новых эмоций, – ответила Аглая, нашаривая в кар-

мане ключ.

Неожиданно с тихим скрипом открылась соседняя дверь, и Валентин, мать его, прекрасный, выпустив оранжевый прямоугольник света, выглянул на лестничную клетку.

– А я и думаю, где вы с Валюшей... – процедил, не сводя хмурого взгляда с Вишневого. – Гуляли, значит.

Артур решил, что еще одного мудака точно не выдержит, поэтому включил привычный режим дзен и просто отвернулся.

– Я зайду перед сном, – это уже Аглае, – поболтаем. Ладно?

– Нет, – не оборачиваясь, отрезал Вишневский, и переступил порог дома.

Что там тихо ответила ему Аглая он уже не слышал: нажав мыском на пятку, пытался стянуть обувь, и при этом не разбудить резкими движениями ребенка.

Войдя в комнату Валюши, аккуратно положил девочку на кровать, не забыв перед этим стянуть одной рукой покрывальце.

– Дай ей Пелёнка, – услышал шепот у двери.

– Кого?

– Игрушку ее, она только с ней спит.

Удивительно, но он даже запомнил, как выглядит Пелёнок. Отыскал в куче игрушек белого мишку и положил рядом с дочерью на кровать.

А потом вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Аглая стояла в коридоре, практически в полной темноте и явно не знала, как себя повести. Волновалась, кусая нижнюю губу.

– Ты домой или... может, чаю?

– Может, чаю, – повторил он, и они, ничего не говоря, друг за другом пошли на ее крошечную кухню.

Часть 15

Вишневский сидел за столом и молча смотрел, как Аглая, так же не произнося ни звука, готовит для них чай: достает из шкафа чашки (наверняка самые лучшие), распаковывает новую пачку пакетированного цейлонского.

Сегодняшний вечер так был богат на события, события необычайно важного характера, что он осознанно поставил мысли на паузу. Он больше не хотел думать, анализировать, вспоминать, он просто смотрел на нее, женщину, которая родила ему дочь и понимал, что впервые в жизни все пошло не по его плану. Но почему-то сильно расстроенным себя не чувствовал. Скорее... слегка растерянным.

– У меня только черный есть, – тихо проговорила она, не поднимая на него глаз. – В пакетиках.

– Черный в пакетиках. Отлично.

Она кивнула и наполнила чашки кипятком. Потом поставила в центр стола песочное печенье, предварительно сняв с вазочки салфетку.

С нее спала вся недавняя спесь, она больше не была острой на язык гордячкой. Она волновалась находясь с ним сейчас наедине, и он это отлично чувствовал.

– Может, что-то еще? Бутерброд? Есть немного овощного рагу...

– Я ничего не хочу, – ответил он, слушаив.

Она села за стол напротив него и обхватила чашку двумя руками, подув, сделала крошечный глоток. Где-то тикали часы, тихо гудел холодильник, в глаза бил мягкий электрический свет. А он просто сидел и молча смотрел на нее, смущая своими взглядами еще больше.

Когда игра в гляделки начала приобретать особенно острый масштаб, Вишневский взял ситуацию в свои руки.

– Иди сюда, – "кивнул" глазами на место рядом с собой.

На его удивление, она не стала артачиться – взяла свою чашку и, поставив на стол рядом с его чашкой, села на самый краешек дивана кухонного уголка. Опустив голову, уткнулась в свой чай, перемешивая ложечкой давно растаявший сахар.

Он видел, как подрагивают ее пальцы, и сейчас ей так шла эта истинно женская слабость... Не наигранная, не утрированная, она просто была такой, какая есть – обезоруживающе манящей.

Вишневский придвинулся ближе и, прикрыв глаза, коснулся губами ее шеи. Потом аккуратно убрал пушистые рыжие волосы за ее спину и поцеловал еще, уже чуть выше и более настойчиво.

– Артур... – она осторожно повела плечом, но не оттолкнула. – Пожалуйста, не надо этого...

Ее глаза были закрыты, а губы, наоборот, приоткрылись словно в ожидании поцелуя.

Человек может говорить, что угодно, но его мимика никогда не врет. Как и язык жестов. Ее тело буквально кричало "продолжай".

– Почему нет?

– Потому! Потому что... это ни к чему не приведет, – и явно собравшись из последних сил: – Я не буду твоей любовницей!

Он улыбнулся. Как человек, который точно знает, что сказанное другим не совсем соответствует действительности. А скорее он знал, что она врет. В первую очередь самой себе. Мысленно она уже с ним переспала. Возможно, еще в первую встречу.

– У меня никого нет.

– Врешь! Твоя подруга из Америки, это она звонила тебе вчера.

– И что с того? Мы расстались.

– Кажется, она еще не в курсе.

Он прекрасно знал, как сделать так, чтобы она перестала говорить что либо и начала делать то, что хочет он. Он умел соблазнять женщин и знал, как быстро и максимально качественно сделать им хорошо. Но пользоваться уловками сейчас не желал, она сама должна была признаться, что хочет продолжения не меньше. Только так, и никак иначе. Это было важно.

– Ты думаешь не о том, – оставил еще один поцелуй на ее шее. Пальцы, путаясь, перебирали ее волосы и контроли-

ровать естественную потребность забитого невыплеснутым тестостероном организма становилось все сложнее.

Оставаясь на чай – он оставался на чай, но как обычно ее присутствие внесло стремительные коррективы в его планы.

– Тебе не все равно, что было у меня в прошлом?

– Нет, потому что она не прошлое! – повернула на него личико, чем он сразу варварски воспользовался – мягко приподняв большим пальцем веснушчатый подбородок, тронул губами ее губы. Аккуратно, даже где-то целомудренно тактично. Потом еще поцелуй. И еще. И каждый последующий становился все глубже и откровеннее.

Неожиданно она отстранилась и подскочила с места как пружина, капитулируя к двери, явно избегая тем самым разного рода провокаций. Эту проверку на прочность она точно боялась не пройти.

– Тебе лучше... тебе лучше уйти! – гордо подняла только что зацелованный им подбородок. Руки сложила на груди, чтобы он не дай бог не заметил, как колотится ее сердце.

Он неторопливо поднялся и в два вальяжных шага преодолел разделяющее их расстояние. Чуть толкнув, прижал ее к двери, беспрепятственно продолжив то, от чего его оторвали, а именно – поцелуи.

– Я же не уеду сегодня, и ты это знаешь, – не предупреждение, не угроза – неумолимо беспощадный факт. – Более того – ты же сама не хочешь, чтобы я уезжал.

– Это не так...

– Это так.

И они оба знали, что он прав.

– Покажи мне свою спальню, – хрипло проговорил он, не сводя с нее вмиг потемневшего взгляда.

Отвечать она ничего не стала: так же, не сводя с него глаз, медленно, где-то даже обреченно, повернула ручку двери, выпуская их обоих из замкнутого пространства крошечной кухни...

Часть 16

Этим утром Артур пожалел, что больше не курит. Как бросил два года назад еще в Америке, так как-то и втянулся в относительно здоровый образ жизни. А теперь вот захотелось вдруг как в старые добрые, наверное, хороший секс будит старые привычки.

– Ты не спишь? – промурчала Аглая, обвив под одеялом его бедра ногой.

– Нет, – ответил Артур, по-хозяйски положив ладонь на ее лодыжку.

Не смотря на катастрофический недосып, чувствовал он себя на удивление бодрым. И довольным. Сытым. Да, наконец-то он был сыт, и дело не во временных рамках отсутствия секса и его триумфального свершения, а в том, что впервые за долгое время он занимался не просто сексом ради нескольких десятков четко выверенных фрикций, работающих на результат, этой ночью его мозг наслаждался ничуть не меньше, чем тело.

Как получив желаемый десерт мы смакуем каждую ложечку, задействуем все до единого рецепторы, разбирая на микроскопические молекулы божественный вкус.

Руководствуясь этой аналогией – сегодняшней ночью Вишневский почувствовал себя гастрономическим гуру. И

совершенно точно не собирался останавливаться на достигнутом.

– А почему ты не спала? –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.